

Гаер.

УЧЕБНИК УГОЛОВНОГО
ПРАВА.

25
347

Д 23
347
УЧЕБНИКЪ

УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Соч. Гаера.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

ПРОСМОТРѢННЫЙ

Профессоромъ уголовного права А. М. Богдановскимъ.

Цѣна 1 рубль сереб.

ОДЕССА.

Издание А. Е. Кехребарджи.

1873.

25
347

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Соч. Заера.

ЧАСТЬ ОБЩАЯ.

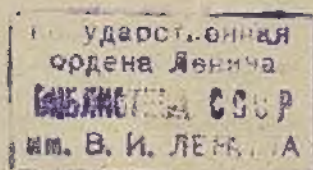
Переводъ просмотрѣнный профессоромъ Угол. Права А. М. Богдановскимъ.

ОДЕССА.

ИЗДАНИЕ А. Е. КЕХРИБАРДЖИ.

1873.

Дозволено цензурою. Одесса, 11-го октября 1872 года.

2007043211

СОДЕРЖАНІЕ.

Введение.

	Стр.
§ 1. Понятіе объ уголовномъ правѣ	1
§ 2. Теоріи наказаній	2
§ 3. Историческій обзоръ уголовного права	6

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

А. О преступленіи вообще.

§ 1. Понятіе о преступленіи	13
§ 2. Объ уголовномъ виѣненіи	15
§ 3. Преступный умыселъ и простая неосторожность	20
§ 4. Вліяніе заблужденія на наказуемость	24
§ 5. Наказуемость вслѣдствіе упущеній	26
§ 6. Покушеніе	27
§ 7. Соучастіе	32

В. О средствахъ наказанія.

§ 1. Смертная казнь	41
§ 2. Лишеніе свободы	44
§ 3. Лишеніе имущества	49
§ 4. Лишеніе чести	50
§ 5. Наказаніе розгами	53

С. О примѣненіи уголовныхъ законовъ къ преступленію.

§ 1. Кругъ дѣйствій уголовныхъ законовъ	54
§ 2. Опредѣленіе степени наказанія и основанія къ его измѣненію	57
§ 3. Совокупность преступленій	61
§ 4. Замѣна одного наказанія другимъ	63
§ 5. Основанія къ отміну наказанія	—

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Понятіе объ уголовномъ правѣ. Говоря объ уголовномъ правѣ, равно какъ и о правѣ вообще, мы разумѣемъ его въ двойномъ смыслѣ: въ смыслѣ субъективномъ и объективномъ. Уголовное право въ субъективномъ смыслѣ означаетъ право или власть наказывать (*jus puniedi*); напротивъ, въ смыслѣ объективномъ подъ уголовнымъ правомъ (*jus criminale*) разумѣютъ совокупность законныхъ постановленій, служащихъ къ приведенію въ дѣйствіе уголовного права въ субъективномъ смыслѣ. Въ наукѣ уголовного права намъ, конечно, прежде всего представится эта совокупность постановленій и даже въ систематическомъ порядкѣ, вытекающимъ изъ внутреннихъ основаній. Кромѣ того, объективное понятіе о правѣ важно еще и потому, что изъ него вытекаетъ необходимое основаніе для понятія о субъективномъ правѣ или власти. Можно имѣть право тогда только, если оно сообщается правомъ объективнымъ; изъ законнаго уже постановленія вытекаетъ власть для какого нибудь опредѣленнаго субъекта права. Правила для приведенія въ дѣйствіе права (субъективнаго) наказывать опирается на законныя постановленія, приводимыя объективнымъ правомъ для той сферы человѣческой дѣятельности, которую мы называемъ «караніемъ». Сказавъ, что уголовное право есть совокупность законныхъ постановленій, служащихъ для отправленія карательной власти, мы этимъ конечно опредѣлили понятіе въ обширномъ смыслѣ. Въ наукѣ же права, это понятіе распадается на двойное:

1) Само по себѣ оно не имѣетъ никакого отношенія къ государству. Нѣтъ никакой логически необходимой связи между наказаніемъ и государствомъ въ томъ смыслѣ, что первое могло бы явиться только какъ государственная функція. Наказывать — значитъ причинить

кому-либо зло, какъ слѣдствіе какого-либо совершеннаго имъ наказуемаго дѣянія, такъ, отецъ наказываетъ дѣтей, учитель ученика, церковь вѣрующихъ и пр., можно даже привести законныя постановленія для отправленія карательной власти семейства, школы, церкви, но отъ этого нужно отличать просто «уголовное право», означая этимъ словомъ право, исходящее изъ государства. Но даже въ этой, болѣе тѣсной, сферѣ обыкновенно проводятъ еще дальнѣйшія подраздѣленія вслѣдствіе раціональной спеціализаціи труда, такъ законныя постановленія о дисциплинарной карательной власти государства по отношенію къ чиновникамъ, о наказаніи за полицейскія проступки и таможенныя злоупотребленія предоставляются обыкновенно публицистамъ и экономистамъ. Но полагать, что эти виды власти (*disciplinen*) не имѣютъ своего корня въ этическомъ основномъ понятіи о наказаніи, значитъ не понимать истиннаго положенія дѣлъ. Это понятіе должно быть развиваемо безъ всякаго спеціального отношенія къ собственно уголовнымъ наказаніямъ, такъ чтобы оно являлось краеугольнымъ камнемъ для раціональнаго отправленія карательной дѣятельности во всѣхъ сферахъ жизни.

2) Изъ понятія уголовного права исключаютъ такъ называемое *формальное* право или уголовное судопроизводство, т. е. совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя устанавливаютъ формы для совершенія наказанія. Поэтому подъ уголовнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ нужно разумѣть только право *матеріальное*, независимо отъ юридическихъ нормъ, служащихъ для уголовного судопроизводства.

§ 2. Теоріи наказаній. Извѣстно, что государство караетъ преступленія, присуждаетъ къ чувствительнѣйшимъ наказаніямъ и что ему приписывается право подобныхъ дѣяній. Спрашивается, должны-ли мы слѣпо подчиняться этому порядку, какъ разъ установленному властью или мы имѣемъ право, и не требуетъ ли даже наше собственное достоинство, доискиваться разумныхъ основаній наказанія? Важность вопроса о наказаніи была сознаваема еще въ древности; уже тогда возбуждался вопросъ: почему и для чего необходимо наказаніе? еще за нѣсколько тысячелѣтій великіе греческіе философы Платонъ и Аристотель пытались дать себѣ въ этомъ отчетъ, пытались, слѣдовательно, основать такъ называемую теорію наказаній.

Понятно, что здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе и обсужденіе различныхъ теорій наказаній, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя общія замѣчанія будутъ не лишніи и даже необходимы.

Теоріи наказаній распадаются на *относительныя* и *абсолютныя* (есть еще такъ называемыя *смѣшанныя* теоріи, но эти теоріи суть ничто иное, какъ сочетаніе теорій относительныхъ, такъ какъ о смѣшеніи послѣднихъ съ абсолютными не можетъ быть и рѣчи). Такъ какъ наказаніе само по себѣ есть по необходимости нѣчто относительное (а именно, относится къ чему-либо предшествующему, какъ его слѣдствіе), то понятно, что выраженіе «абсолютное» не вполне подходитъ къ тѣмъ теоріямъ, которыя въ томъ именно находятъ полное основаніе наказанія, что оно есть слѣдствіе предшествовавшаго человѣческаго дѣянія, какъ неизбежное зло. Но относительныя теоріи не останавливаются на этомъ необходимомъ отношеніи наказанія къ предшествовавшему дѣянію; онѣ указываютъ еще на опредѣленную цѣль, которая можетъ быть достигнута наказаніемъ. Абсолютныя теоріи, въ противоположность относительнымъ, ограничиваются вообще слѣдующимъ положеніемъ: *punitur quia rescatum est*. Вслѣдствіе различія цѣлей, преслѣдуемыхъ наказаніемъ, относительныя теоріи подраздѣляются на нѣсколько видовъ. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что всѣ эти подраздѣленія могутъ быть подведены къ тремъ теоріямъ: теоріи *полезности* (*Nutzungstheorie*), *обезопасенія* и *исправленія*.

Тѣ, которые находятъ главное основаніе къ наказанію въ его полезности (каковы Гоббесъ, Бентамъ и др.), тѣмъ самымъ заранее отказываютъ отъ возможности оправдывать наказаніе. Теоріи обезопасенія (къ которымъ также относятся и теоріи *вознагражденія* (*Fergütungstheorien*)) вращаются въ сферѣ мысли о сохраненіи правового порядка. Онѣ оправдываютъ наказаніе тѣмъ, что оно ограждаетъ преступника отъ дальнѣйшихъ преступленій (*спеціальное предупрежденіе*) или служитъ вообще устрашеніемъ для всѣхъ гражданъ, какъ возможныхъ преступниковъ (*общее предупрежденіе*). Хотя между послѣдователями этого направленія мы встрѣчаемъ такія имена, какъ Грильмана и Фейербаха, но тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, это направленіе оказывается весьма невѣрнымъ. Дѣйствительно, нѣтъ смысла утверждать, что наказаніе должно послѣдовать не за содѣянное уже преступленіе, а за возможность такового

въ будущемъ; нѣкъ никакого основанія наказывать *кого-либо* за то, что онъ современемъ можетъ совершить преступленіе или за то, что *другіе* могутъ сдѣлаться преступниками. Такимъ же образомъ странно отыскивать масштабъ наказанію, которое должно измѣряться впечатлѣніями, давшими въ душѣ преступника поводъ къ совершенію преступленія. Если здѣсь все основано на психологическомъ изслѣдованіи устрашающаго дѣйствія наказанія, то въ этомъ еще болѣе чувствуется недостатокъ правильнаго психологическаго взгляда на мотивы, ведущіе къ преступленію и отъ него удерживающіе. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятіе о наказаніи, какъ средствѣ предупрежденія, ведетъ къ примѣненію наказанія и безъ предшествовавшаго понятія по отношенію къ опаснымъ субъектамъ, бродягамъ и пр. Теоріи предупрежденія имѣютъ въ новѣйшее время весьма мало сознательныхъ послѣдователей, хотя, какъ въ уложеніяхъ, такъ и на практикѣ, и теперь еще нерѣдко допускаются подобныя террористическіе взгляды, безъ всякаго въ этомъ яснаго отчета. Совершенно не то можно сказать о теоріяхъ *исправленія*, которыя, находясь на относительно высшей степени, своимъ гуманизмомъ и отчасти своей справедливостью и имѣютъ подкупающее вліяніе на умы, но тѣмъ не менѣе всякая послѣдовательная теорія исправленія извращаетъ понятіе о наказаніи. Совершенно отнимая у наказанія характеръ зла и считая его болѣе благодѣяніемъ, на которое преступникъ имѣетъ право, какъ на дальнѣйшее свое воспитаніе, онъ дѣлаютъ преступленіе правомъ на благодѣяніе. Такимъ образомъ, вопреки справедливости, эта теорія ставитъ преступника въ лучшее положеніе, нежели человѣка, ни въ чемъ не провинившагося. Считая наказаніе средствомъ къ исправленію, которое должно исчезнуть, какъ только исправленіе не является болѣе необходимымъ, она также нарушаетъ справедливость, такъ какъ вслѣдствіе такого взгляда самое тяжкое преступленіе (напр. убійство) должно было бы остаться совершенно не наказаннымъ, если исправленіе преступника доказано, между тѣмъ какъ самыя незначительныя дѣянія могли бы повести къ долговременному заключенію.

Изъ сказаннаго видно, что относительныя теоріи не даютъ удовлетворительнаго понятія объ основаніи и существѣ наказанія, поэтому обратимся къ теоріямъ *абсолютнымъ*, которыя вообще заключаются въ томъ, что основываютъ наказаніе на нравственномъ требованіи

уравненія совершеннаго дѣянiя, поэтому наказанiе находитъ вѣрное мѣрило въ наказуемомъ злодѣянiи.

Эти воззрѣнiя были въ особенности развиваемы Кантомъ, Гегелемъ и его послѣдователями Обезомъ, Кестлиномъ, Бернеромъ, а затѣмъ и Гербартомъ и его школою, между тѣмъ какъ приверженцами такъ называемой *гражданской теорiи справедливости* они были крайне (разведены водою) опошлены и чуть-ли не превращены въ принципы теорiи предупрежденiя. Кантъ исходилъ изъ мысли, лежащей въ основанiи закона о возмездiи (Талiонъ). Но, предписывая причиненiе преступнику такого зла, которое количественно и качественно было бы равносильнымъ совершенному имъ злодѣянiю, Талiонъ, помимо своей безнравственности и жестокости, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудобопроводимымъ и даже невозможнымъ для справедливаго уравненiя (напр. въ политическихъ преступленiяхъ, богохульствѣ, изнасилованiи и пр.), такъ какъ онъ устанавливаетъ лишь внѣшнее мѣрило наказанiя (око за око, зубъ за зубъ), причемъ совершенно упускается изъ виду психическое дѣйствiе преступленiй и наказанiй.

Теорiя Гегеля исходитъ изъ ничтожности неправа; при подобномъ предположенiи, не будь оно одною только фразою, было бы лишнимъ и даже невозможнымъ уничтожить наказанiемъ вину, уже, по существу своему, неправую. Притомъ она опирается на, не выдерживающее критики, раздѣленiе проступка на три категорiи и упускаетъ изъ виду, что преступленiе вообще не всегда есть или должно быть неправомъ, правонарушенiемъ. Школа Гербарта избрала другую исходную точку. Она ссылается на нравственную идею возмездiя или уравнивающей справедливости, въ силу которой каждое благо и каждое злодѣянiе должно быть вознаграждено возмездiемъ дѣятеля одинаковымъ количествомъ добра или зла. Этимъ отнюдь не оправдывается требованiе Талiона, который своимъ развращающимъ дѣйствiемъ лишь увеличиваетъ зло и тѣмъ самымъ противорѣчитъ понятiю объ уравненiи. Качество средствъ наказанiя болѣе опредѣляется идеею права, требующею обезпеченiя правоваго порядка и идеею благоволенiя, стоящею за исправленiе преступника. При предположенiи, слѣдовательно, свободнаго выбора средствъ наказанiя, должно быть предпочтительно то изъ нихъ, которое въ высшей степени обезпечиваетъ равновѣсiе правоваго порядка и дѣлаетъ возможнымъ исправленiе

преступника. Но тѣмъ не менѣе преслѣдованіе подобныхъ цѣлей наказанія не должно вести къ нарушенію принципа наказанія: *возмездія*. Заслуженное количество зла должно быть причиняемо преступнику и лишь въ этихъ предѣлахъ задачей карательной власти представляется обезпеченіе правового порядка, исправленіе преступника. Такимъ образомъ все истинное и справедливое, содержащееся въ относительныхъ теоріяхъ достигаетъ достойнаго значенія. Требованіе о возмездіи есть общее и безусловное для всѣхъ видовъ преступленія, но не всегда государство обязано осуществить это возмездіе отправленіемъ своей карательной власти, или иначе, не всякое злодѣяніе есть преступленіе въ смыслѣ уголовного права.

§ 3. Историческій обзоръ уголовного права. Обращая вниманіе на историческое развитіе уголовного права, мы замѣчаемъ, что только въ позднѣйшее время является мысль о нравственной обязанности государства наказывать преступленія. Для того чтобы обладателямъ государственной власти могло быть предоставлено право на жизнь и смерть, свободу и честь, необходимо также прочное государственное устройство. Гдѣ образованіе государства несовершенно, тамъ мы замѣчаемъ, что воздаяніе за совершенныя преступленія предоставляется другимъ жизненнымъ сферамъ. Въ началѣ историческихъ временъ оно опредѣляется съ одной стороны *семейственными правами*; съ другой — *теократическими воззрѣніями*. Семейство приписывало себѣ право относительно своихъ членовъ, право простиравшееся до права надъ жизнью и смертью; съ другой стороны, оно считало себя оскорбленнымъ чрезъ оскорбленіе своихъ членовъ и нерѣдко искало удовлетворенія противъ постороннихъ правонарушителей самымъ кровавымъ путемъ. Но есть и другаго рода дѣянія, которыя считаются оскорбленіемъ божества, гнѣвъ котораго можетъ быть успокоенъ не только наказаніемъ, но даже и истребленіемъ нечестиваго. Такимъ образомъ, оба рода уголовного права, семейственное и теократическое, ведутъ къ жестокости, кровавой мести и къ очищенію грѣховъ чрезъ жертвоприношеніе.

Мало по малу начинаетъ проявляться мысль о государственномъ уголовномъ правѣ. Усилившееся государство видитъ въ значительныхъ преступленіяхъ нарушеніе его правового порядка, его мира и возстаетъ противъ этого; весьма естественно, что сначала эта

реакція является при прямомъ нападеніи на государство т. е., при государственныхъ преступленіяхъ, а затѣмъ уже и при преступленіяхъ частныхъ. Государственная власть присоединяетъ еще и власть наказывать, какъ важный придатокъ къ праву и силѣ и соблюдаетъ ее въ духѣ системы устрашенія, не обращая вниманія на благо преступника и перѣдко пользуясь ею для собственныхъ цѣлей и для обогащенія государственной казны. Только въ послѣдствіи начинаетъ господствовать сознаніе обязанности государства наказывать во имя нравственныхъ идей и только въ нравственномъ духѣ. Въ этомъ историческомъ развитіи всюду вліяли и религіозныя воззрѣнія, именно въ то время, когда церковное право распространяло свою власть и на опредѣленіе свѣтскихъ и государственныхъ отношеній. Для образованія нынѣ дѣйствующаго въ Германіи уголовного права имѣло громадное значеніе, кромѣ собственнаго, принятое чужое право, *римское* и *каноническое* уголовное право. Поэтому необходима краткая характеристика этихъ двухъ системъ права.

Римское уголовное право находится далеко не на такой степени превосходства, какъ римское гражданское право. Оно никогда не развилось до совершенно образовавшейся системы права. Послѣ того, какъ господство религіознаго права съ одной стороны и семейной частной мести съ другой было разрушено усилившеюся государственною властью, послѣдняя, тѣмъ не менѣе, всегда ограничивалась постановленіемъ отдѣльныхъ законовъ для специальныхъ случаевъ. Эти законы вызываемые сильнымъ распространеніемъ нѣкоторыхъ преступленій и возникая разновременно, не были связаны ни идеею общаго закона о принципахъ уголовного права, ни развитіемъ систематическаго ученія о составѣ преступленія и потому самому не могли образовать одного органическаго цѣлаго, свободнаго отъ противорѣчій и недостатковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно проявлялось остроуміе римскихъ юристовъ при толкованіи уголовныхъ законовъ, но извѣстное отвращеніе этихъ юристовъ къ общимъ выводамъ и преобладающее пониманіе преступленій въ смыслѣ частнаго права тормозили науку въ ея развитіи, именно въ томъ отдѣлѣ права, которому, при недостаткѣ деталей, могла бы дать болѣе прочное основаніе, равно какъ побужденіе къ дальнѣйшему развитію, лишь связь общаго ученія. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что съ одной стороны проступки, принадлежащіе по нашему современному нравственному

воззрѣнію къ области уголовного права, подвергались у Римлянъ, какъ такъ называемые частные проступки, простому гражданскому суду, съ другой въ терроризмъ, господствовавшимъ при караніи государственныхъ преступленій, проявлялся весь присущій Римлянамъ деспотизмъ, противорѣчащій понятію о правѣ, чѣмъ также объясняется стремленіе уничтожить мечемъ и огнемъ сопротивление, встрѣчаемое христіанствомъ, сдѣлавшимся въ послѣдствіи господствующей религіей. Въ противоположность частному праву, вращающемуся на нейтральной почвѣ, уголовному праву безпрестанно угрожаетъ утрата его научнаго характера, вслѣдствіе его тѣсной связи съ областью государственныхъ и церковныхъ формъ. Изъ приведеннаго развитія римскаго уголовного права вытекаетъ, что при немъ не можетъ быть и рѣчи о, всѣмъ управляющемъ, принципѣ наказанія. Но въ римскомъ правѣ характеристично, что субъективный элементъ имѣетъ перевѣсъ при разсмотрѣніи состава преступленій, слѣдствіемъ этого была склонность наказывать за покушеніе на преступленіе, такъ же строго, какъ и за совершенное дѣяніе; напротивъ, дѣянія, совершенныя только по неосторожности (*culpa*) разсматривались гражданскимъ судьей. Римской системѣ наказанія присуща большая мягкость (исключая отношеній къ рабамъ и не римлянамъ). Изгнаніе изъ отечества считалось тогда такимъ зломъ, что римскій гражданинъ могъ избѣгнуть всякаго наказанія, какъ только онъ добровольно соглашался на оставленіе отечества. Въ противоположность этому уголовное право времени императоровъ развиваетъ терроризмъ, именно противъ политическихъ преступниковъ, который доходитъ даже до наказанія дѣтей и внуковъ послѣднихъ.

Каноническое право считаетъ преступленіе *грѣхомъ*, т. е. оскорбленіемъ божьей заповѣди; вслѣдствіе этого съ одной стороны, придавали почти исключительное значеніе субъективной сторонѣ преступленія, такъ что даже простая грѣховная мысль почти уравнивается съ дѣяніемъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны реакція противъ преступленія является обязанностью церкви. Церковное наказаніе должно имѣть мѣсто для того только чтобы примирить преступника съ Богомъ и возвратить его на путь истины. Церковь не желаетъ смерти грѣшника, но его исправленія. Это истинно христіанское воззрѣніе является неузнаваемымъ, когда еще и въ настоящее время фанатики всѣхъ вѣроисповѣданій утверждаютъ, что смертная казнь

есть постановленіе христіанства. Защитники подобнаго ученія возвращаются къ точкѣ зрѣнія стараго еврейскаго права и ихъ Богъ есть строгій Іегова, наказывающій дѣтей и потомковъ за грѣхи родителей.

На преобразованіе свѣтскаго уголовного права церковъ вліяла тѣмъ, что она судила не только за чисто церковныя преступленія (*delicta ecclesiastica*), но и за такъ называемыя *смѣшанныя дѣла*, *delicta mixta*, т. е. преступленія, имѣющія близкое отношеніе къ церковнымъ постановленіямъ, каковы: нарушеніе супружеской вѣрности, кровосмѣшеніе, мужеложство, ворожба, колдовство и пр. Распространеніе церковнаго суда съ его организаціею во многихъ отношеніяхъ дѣйствовало благотворно въ средніе вѣка при безсиліи, разрозненности и беспомощности свѣтскаго уголовного права. Благодаря церкви явилось противодѣйствіе вліянію званія и сословія преступника, характеризующее средніе вѣка. Для церкви всѣ люди считаются людьми Бога, даже и князь не есть для нея *legibus solutus* и въ этомъ смыслѣ она старается провести основаніе равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ древнегерманскомъ уголовномъ правѣ мы находимъ, на ряду съ теократическими воззрѣніями, весьма распространенное дѣйствіе частной мести. Право отмщенія было почти всюду признаваемо и народные суды тогда только начинали свою дѣятельность, когда были къ тому призываемы оскорбленнымъ, такъ какъ послѣдній могъ, конечно отказавшись отъ частной мести, требовать пени, *compositio*, которая при убійствѣ называлась вирой (*Wergeld*). Эта пеня являлась какъ вознагражденіе за вредъ, за причиненное оскорбленіе; кромѣ того правонарушитель платилъ еще общинѣ такъ называемое *Friedensgeld*. Это пониманіе наказанія, какъ вознагражденія за вредъ, вело къ тому, что преступленіе оцѣнивалось по преимуществу внѣшнимъ образомъ, смотря по вреду, имъ причиненному и, въ противоположность римскому и каноническому праву, придавалось меньшее значеніе субъективной сторонѣ преступления. Но, съ одной стороны, здѣсь многое измѣнили церковныя воззрѣнія, а съ другой стороны съ усиленіемъ королевской власти взяли перевѣсъ общественныя личныя наказанія. Но тѣмъ не менѣе въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ не удалось совершенно устранить права мести и системы вознагражденія. Несчастныя политическія обстоятельства, распаденіе государства на сотни почти независимыхъ территорій,

беспомощность нѣмецкихъ судебныхъ учреждений и громадныя недостатки въ уголовномъ судопроизводствѣ — все это содѣйствовало тому, чтобы положеніе уголовного права было почти невыносимымъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ начали искать помощи въ воспріятіи римскаго и каноническаго права. Но въ области уголовного права подобное воспріятіе было немыслимо вслѣдствіе внутренней связи этой части права съ правовыми отношеніями государства и національнымъ нравственнымъ воззрѣніемъ; отсюда то явилась необходимость всеобщаго уголовного законоположенія. Поводъ къ его составленію дали часто повторявшіяся жалобы на несообразности въ уголовномъ судопроизводствѣ. Послѣ различныхъ приготовительныхъ работъ, въ 1832 году явился на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ государственный законъ, обнимающій уголовное право и судопроизводство, озаглавленный «уголовный сводъ или *Constitutio Criminalis Carolina* (с. с. с.). Основой этого изданія служитъ уголовный сводъ, составленный барономъ Шварценбергомъ и обнародованный въ 1507 г. въ Брамбергскомъ епископствѣ. Впрочемъ, С. С. С. было обнародовано, какъ вспомогательный законъ существующихъ частныхъ правъ. Такимъ образомъ оно не могло имѣть надлежащаго дѣйствія, хотя и стоитъ на относительно высшей степени совершенства, нежели частныя законы 16-го и даже 17-го вѣка. *Carolina* существенно содѣйствовала всеобщему ученію объ уголовномъ правѣ и при этомъ, равно какъ и при возстановленіи правилъ состава преступленія, весьма счастливо сочетала римскія и нѣмецкія воззрѣнія. Къ сожалѣнію, состояніе доктрины и практики вплоть до 18-го столѣтія было весьма жалкое, такъ что научное пониманіе *Carolina* было достигнуто тогда только, когда она своими жестокими наказаніями стала противорѣчить болѣе мягкимъ правамъ того времени. Сама *Carolina* признавала римское и каноническое права, какъ заимствованныя и ссылалась на нихъ для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ. И такъ, правовое состояніе до 18-го столѣтія резюмировалось такъ, что на первомъ планѣ являлось частное право и, какъ нѣчто вспомогательное, *Carolina* вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими государственными законами, а на второмъ планѣ — заимствованное чужое право. Такимъ образомъ, многое было предославлено наукѣ, которая однако оказалась неспособной для трудной работы — привести источники права къ гармоническому цѣлому. Только въ началѣ 18-го вѣка уголовное

право стало предметомъ самостоятельныхъ, академическихъ чтеній и учебниковъ. Практика, съ началомъ гуманнаго періода, принимала все болѣе и болѣе произвольный характеръ и строгіе имперскіе и мѣстные законы были истолковываемы по усмотрѣнію судей въ болѣе мягкомъ видѣ, вслѣдствіе этого правовой порядокъ пришелъ въ такое колебаніе, что сочли нужнымъ ограничить произволъ судей изданіемъ отдѣльныхъ законоположеній. Начало этому положила Баварія. Здѣсь, въ 1751 г., былъ изданъ *Codex juris Bavarici criminalis*, который совершенно устранилъ вспомогательное значеніе общаго права. Затѣмъ этому пути послѣдовала Австрія изданіемъ *Constitutio Criminalis Thoresiana* 31-го декабря 1768 года. Но тѣмъ не менѣе оба уложенія, баварское и австрійское, стоятъ еще на пути стараго, террористическаго воззрѣнія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже уступаютъ *Carolin'у*. Духъ просвѣщенія, пробужденный французскими энциклопедистами и питаемый просвѣщенными князьями и министрами того времени, получаетъ значеніе въ общихъ законахъ о преступленіи и наказаніи 13-го января 1787 г. изданныхъ для Австріи при Императорѣ Іосифѣ II и отличающихся своей основательностью и устраненіемъ смертной казни (это наказаніе было опять введено въ Австрію въ 1795 г.). Вслѣдъ за этимъ было издано уложеніе прусское и наконецъ въ 1803 г. въ Австрію появилось новое, во многомъ смягчающее прѣжнее (Іосифа) «уложеніе о преступленіяхъ и тяжкихъ полицейскихъ проступкахъ». Эти послѣднія, называемыя нами, уложенія, представляютъ предпочтительно точку зрѣнія уголовной доктрины въ исходѣ прошедшаго столѣтія. Эти уложенія во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ на порогѣ новой важной эпохи для уголовного права. Наука уголовного права, чрезъ критическія и догматическія работы Фейербаха, достигла въ то время небывалаго развитія, которое впервые получило практическое значеніе въ Баварскомъ уложеніи 1813 года. Въ тоже время уничтоженіе германской имперіи нанесло смертельный ударъ общему праву, уже и до того утратившему часть своего значенія, вслѣдствіе изданія уложеній Баваріи, Австріи и Пруссіи. Рядъ этихъ новыхъ уложеній открываетъ, какъ уже выше сказано, трудъ Фейербаха — баварскій законъ 1813 г., который своимъ систематическимъ построеніемъ и образцовою точностью изложенія, составляетъ какъ бы новую эпоху. При этомъ нужно замѣтить, что Фейербахъ совершенно устранилъ

возможность произвола судей и воспретилъ всякое толкованіе закона. На ряду съ баварскимъ уложеніемъ нужно еще упомянуть о слѣдующихъ уложеніяхъ, которыя будучи замѣнены съ тѣхъ поръ новыми законами, имѣютъ для насъ только историческое значеніе: 1) Уложеніе о наказаніяхъ для *саксонскаго королевства* 1838 г., лежащее въ основаніи еще нынѣ дѣйствующаго въ герцогствѣ саксенъ-Альтенбургѣ уложенія, 3-го мая 1841 года. 2) Уложеніе о наказаніяхъ для королевства ГанOVERскаго, 8-го августа 1840 года, по точности изложенія далеко уступающее Баварскому 1813 г., но мало отъ него отличающееся по строгости наказаній (оно признаетъ квалифицированную смертную казнь). Впрочемъ, вслѣдствіе присоединенія ГанOVERа къ Прусской монархіи, это уложеніе потеряло свою силу.

I.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

А. О преступлении вообще.

§ 1. Понятіе о преступленіи. Опредѣляя понятіе о преступленіи съ точки зрѣнія положительнаго права, мы должны назвать преступленіемъ «дѣйствіе, за которое государство грозитъ уголовнымъ наказаніемъ». Это понятіе мы можемъ назвать формальнымъ; матеріальное же имѣетъ задачею разъясненіе вопроса за какое дѣяніе государство можетъ грозитъ уголовнымъ наказаніемъ? Вообще наказаніе можетъ быть допускаемо только при предположеніи совершеннаго злодѣянія, какъ возмездіе такового, а посему было бы противно нравственности, если бы государство угрожало наказаніемъ за дѣйствія, не заключающія въ себѣ никакого правонарушенія. Только исходя изъ той точки зрѣнія, что слѣдствіемъ подобныхъ дѣйствій могутъ быть правонарушенія, дозволяется, въ виду всеобщаго блага, преслѣдовать эти дѣйствія, какъ «опасныя», полицейскими мѣрами. Но, съ другой стороны, государство не должно имѣть задачею привлекать къ уголовному суду за всякое злодѣяніе. Безчисленное множество правонарушеній до того ничтожно, что караніе ихъ государствомъ находилось бы внѣ всякаго отношенія съ ихъ значеніемъ. Даже болѣе значительныя правонарушенія могутъ быть удовлетворительно изглажены гражданскимъ судопроизводствомъ и его послѣдствіями. Кромѣ того государство можетъ тогда только рассчитывать на согласіе нравственнообразовательныхъ гражданъ къ примѣненію своей карательной власти, равно какъ и на ея признаніе (безъ

котораго наказаніе было бы только выраженіемъ власти, а не управленіемъ, основаннымъ на правѣ), если оно считаетъ преступленіями лишь тѣ злодѣянія, которыя по смыслу, лежащему въ ихъ основаніи, или вслѣдствіе обширности протекающаго изъ нихъ зла, признаются, по общественному мнѣнію, нападеніемъ на основныя начала государственнаго порядка, такъ что караніе ихъ является дѣломъ государства, а безнаказанность ихъ чувствуется какъ всеобщее зло. Объемъ карательной власти государства зависитъ отъ различныхъ историческихъ условій и было бы ошибочно предполагать, что возможно установить а priori различіе между преступленіемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ или, вообще говоря, между преступленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и другими злодѣяніями. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе какъ нравственное развитіе народа, такъ и большую или меньшую прочность государственнаго строя. Чѣмъ болѣе цивилизованная эпоха выникаетъ въ психологическія отношенія разнообразныхъ злодѣяній, тѣмъ чаще она убѣждается, что реакція противъ нихъ должна быть предоставлена ассоціаціи, снабженной болѣе соотвѣтственными органами, или же суду общественнаго мнѣнія, а равно и убѣждается въ томъ, что многія чрезвычайно тяжелыя и строгія карательныя мѣры, находящіяся въ распоряженіи государства, не могутъ быть примѣнимы при возмездіи за такія злодѣянія, которыя въ прежнее только время считались преступленіями. Изъ этого видно, что съ развитіемъ цивилизаціи все болѣе и болѣе суживается область государственнаго карательнаго права, безъ того однако, чтобы съ этимъ было связано ослабленіе нравственнаго чувства народа. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, напротивъ, о болѣе просвѣщенномъ пониманіи государствомъ своей задачи, если оно оставляетъ область, для управленія которой ей недостаетъ достаточно развитыхъ органовъ. Въ пользу сознательной прочности государственнаго организма говоритъ и то, если нападенія, произведенныя непосредственно на его основанія, чувствуются государствомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ столь сильно, что оно должно противопоставить имъ карательную власть. Надо еще замѣтить, что мы вовсе не защищаемъ уступчивости въ пользу легкомысленнаго, но довольно распространеннаго мнѣнія, если мы требуемъ, чтобы государство употребляло свою карательную власть въ томъ случаѣ, когда оно вызывается къ этому голосомъ нравственно-образованнаго зерна

населенія и что слѣдовательно, уголовное судопроизводство. (Strafrechtspflege) должно быть основано на согласіи и признаніи общественнаго мнѣнія. Но для того, чтобы государство могло всегда слѣдить за нравственнымъ развитіемъ народа, мы советуемъ привлечение присяжныхъ (помимо другихъ выгодъ этого учрежденія) при уголовномъ судопроизводствѣ.

§ 2. Объ уголовномъ вмѣненіи. Всякое преступленіе есть не только дѣятельность, но и дѣяніе, потому что необходимое условіе для наказуемости заключается въ томъ, чтобы причиненное зло находилось въ отношеніи къ волѣ человѣка, которому преступленіе вѣняется. Безъ этого условія нравственное требованіе возмездія не имѣетъ никакого смысла.

Главнѣйшимъ условіемъ вмѣняемости считается обладаніе психической свободой, которую необходимо отличать отъ свободы нравственной, которая проявляется, если человѣкъ дѣйствуетъ согласно своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Психическая свобода проявляется не въ этомъ только случаѣ, но вообще тогда, когда человѣкъ настолько въ состояніи управлять своей волей, что всякое его дѣйствіе происходитъ изъ его собственнаго личнаго «я». Лицо, не обладающее подобною способностью самоопредѣленія, есть уже лицо, психически не свободное; оно становится беззащитною жертвою всякаго въ немъ появляющагося желанія и потому не можетъ подлежать никакой отвѣтственности. Впрочемъ сила самообладанія проявляется въ каждомъ человѣкѣ только въ опредѣленной степени; абсолютно никто не свободенъ; понятно, что менѣе всего можетъ быть рѣчь о томъ, что человѣкъ одаренъ свободою со дня своего рожденія; дитя рождается безъ всякой способности самоопредѣленія и только мало по малу пріобрѣтаетъ психическую свободу. Невѣренъ также взглядъ, по которому психическая свобода не имѣетъ степеней; напротивъ, сила самоопредѣленія въ человѣкѣ проявляется въ различныхъ степеняхъ. Вѣрно только то, что извѣстная воля можетъ быть свободна или несвободна, но *свободная* воля, съ своей стороны, можетъ быть *свободна* въ различной степени. Дѣятельности такъ называемаго «я» могутъ противостать такія массы представленій и физиологическихъ возбужденій, что сила въ немъ хотя и не совсѣмъ уничтожается, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени

ограничивается. Выраженіе «ослабленная вѣняемость» не всегда здѣсь уместно. Необходимо ясно понять слѣдующее:

Вѣненіе есть приговоръ, который уясняетъ, на сколько чело-
вѣческое дѣяніе вытекаетъ изъ собственнаго «я». Преступленіе вѣ-
няется только тому, кто обладаетъ психической свободой. Иногда
человѣкъ можетъ быть на столько развитъ психически, что онъ
способенъ на всякаго рода дѣяніе; въ извѣстномъ же случаѣ пси-
хическія силы могутъ въ немъ отсутствовать, такъ что онъ, будучи
вообще способенъ ко вѣненію, является въ данномъ случаѣ пси-
хически совершенно несвободнымъ. Но само дѣяніе тогда только
бываетъ вѣняемо, когда оно проистекаетъ изъ личнаго «я» чело-
вѣка, такъ что иногда человѣкъ которому вообще всякое престу-
пленіе вѣняемо, можетъ все таки совершить невѣняемыя дѣянія
(напр. подъ вліяніемъ аффекта, вслѣдствіе ошибки и проч). Способ-
ность ко вѣненію сама по себѣ еще недостаточна для уголовного
вѣненія. Для этого необходимо еще не только способность само-
опредѣленія, но и знаніе того, что извѣстное дѣяніе влечетъ за со-
бой извѣстныя послѣдствія, т. е. что это дѣяніе есть зло. Трехлѣт-
ній ребенокъ, который уже до извѣстной степени способенъ къ са-
моопредѣленію, все таки не можетъ быть наказанъ за совершенное
правонарушеніе, такъ какъ онъ не имѣетъ еще понятія о правѣ и
неправѣ. Только отъ того субъекта можно требовать управленія
своей правонарушительной волей (воленіемъ), который въ состояніи
ее отличить отъ воли противоправной. Весьма легко понять, что
взглядъ на правонарушеніе въ какомъ либо дѣяніи проявляется во
1-хъ) у разныхъ индивидуумовъ въ разное время и 2) у одного
и того же индивидуума неодновременно, относительно всѣхъ дѣяній.
Понятно, что скорѣе ребенокъ уяснитъ себѣ, что увѣче или убій-
ство есть зло, есть что-то недозволенное, нежели усвоитъ себѣ
подобный взглядъ относительно воровства или утайки пайдешаго.
Говоря строго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо убѣдиться,
было ли лицо, совершившее злодѣяніе, на столько психически раз-
вито, чтобъ оно могло понять, что такой-то поступокъ запрещенъ.
Большая часть уложеній слѣдуетъ римскому праву, которое прини-
маетъ опредѣленный возрастъ за начало уголовной вѣняемости, но
въ этомъ отношеніи нѣкоторые заходятъ слишкомъ далеко, прини-
мая предѣломъ четырнадцатилѣтній возрастъ въ то время, какъ

римское право ограничивается возрастом семилѣтнимъ. По нашимъ климатическимъ условіямъ лучше всего принимать за начало вмѣняемости возрастъ десятилѣтній. Весьма естественно, что подобное опредѣленіе не доказываетъ еще что преступленіе, совершенное субъектомъ, перешедшимъ этотъ возрастъ, можетъ ему быть вмѣняемо. Основанія, уничтожающія уголовную вмѣняемость, подводятся къ слѣдующимъ категоріямъ:

I. *Не полное психическое развитіе*. Сюда относятся: 1) *дѣтство* (въ вышеуказанномъ смыслѣ), 2) *слабоуміе*, 3) *глухонѣмота*, 4) *дикость* (рѣдкій случай въ практикѣ).

II. *Временное прекращеніе психической свободы*, а именно: 1) *сонное состояніе*, таковы: сонливость, сонъ, лунатизмъ. Физиологическое вліяніе на мозгъ и нервную систему прекращаетъ въ подобныхъ случаяхъ всякое вмѣненіе тѣлесной дѣятельности.

2) *Полное опьяненіе*, происходящее отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Но легко можетъ случиться, что состояніе опьяненія произошло не безъ вины самаго дѣятеля; преступленіе, совершенное въ подобномъ состояніи не освобождаетъ отъ вмѣненія, хотя и не полного. Далѣе, если кто либо нарочно приведетъ себя въ состояніе полного опьяненія съ цѣлью совершенія преступленія и осуществить свое намѣреніе, то дѣяніе это считается уже злонамѣреннымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ неоспоримо является связь между намѣреніемъ и дѣяніемъ. Обыкновенно подобныя дѣянія называются *actiones liberae in causa*, но тѣмъ не менѣе по этому предмету существуютъ еще разногласія какъ въ теоріи, такъ и въ законодательствѣ.

3) *Аффектъ* есть значительное отклоненіе отъ нормальнаго состоянія, проистекающее отъ новыхъ внезапныхъ представленій. Аффектъ можетъ дойти до такой степени, что совершенно теряется не только власть надъ собою, но и разумъ.

4) *Временныя душевныя болѣзни*.

III. Какъ длящееся пріостановленіе психической свободы являются *преходящія душевныя болѣзни*, въ разъясненіи которыхъ новѣйшая психіатрія сдѣлала громадныя успѣхи, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и успѣла развить весьма сомнительныя теоріи. Особенную трудность представляютъ такъ называемые свѣтлые промежутки (*lucido intervalla*), не рѣдко принимаемые даже и тамъ, гдѣ только является отступленіе вѣдѣнныхъ болѣзненныхъ явленій при длящемся

душевномъ разстройствѣ; между тѣмъ какъ о вмѣняемости можетъ быть рѣчь только при дѣйствительномъ перерывѣ душевной болѣзни, а не въ подобномъ случаѣ. Особеннаго разсмотрѣнія требуетъ еще такъ называемое *состояніе крайней необходимости* въ уголовномъ смыслѣ. Это есть состояніе, въ которомъ посредствомъ физическаго напилья совершается преступленіе ради своихъ интересовъ. Это состояніе бываетъ вообще тогда, когда кто либо находится въ такомъ положеніи, что долженъ посягнуть преступнымъ образомъ на чужую собственность, или долженъ потерять одно изъ принадлежащихъ ему благъ. Понятно, что нужда не есть основаніе права, такъ какъ другіе не должны же поплатиться потому только, что я нахожусь въ критическомъ положеніи (впрочемъ и «право необходимости» имѣетъ своихъ приверженцевъ). Но съ другой стороны, нужда можетъ возбудить аффекты, доходящіе до полной психической не свободы. Относительно состоянія крайней необходимости заходятъ обыкновенно такъ далеко, что оставляютъ ненаказуемыми даже такіа дѣянія, которыя совершены обдуманно и при полной психической свободѣ, если только при тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ оказывается, что не посягательство на чужое имущество или хладнокровная потеря собственнаго считалась бы какимъ то выдающимся героическимъ поступкомъ. Понятно, что по этому взгляду это будетъ состояніе невмѣняемости, потому что нельзя обладать нравственнымъ героизмомъ подъ страхомъ наказанія. Если, какъ мы сказали, психическая свобода имѣетъ степени и если, слѣдовательно, допускается постепенный переходъ отъ полной свободы до полной не свободы, то понятно, что законодатель не долженъ игнорировать этимъ обстоятельствомъ. Полное вмѣненіе не должно имѣть мѣста тамъ, гдѣ является состояніе не полной свободы, слѣдовательно состоянія, вліяющія на вмѣняемость, являются какъ бы основаніями къ смятченію наказанія, такъ что судья имѣетъ полную возможность принять это въ соображеніе и низойти до minimum'a наказанія. Къ такимъ состояніямъ относятся: 1) *слабоуміе*, 2) *аффектъ* (если онъ не вполне лишаетъ свободы), 3) *опьяненіе* (подъ тѣмъ же условіемъ), 4) *состоянія, подходящія къ состоянію крайней необходимости*; наконецъ, сюда же нужно отнести и 5) *юпошескій возрастъ* въ томъ смыслѣ, чтобы преступники, хотя уже и выпедшіе изъ дѣтскаго возраста, но еще не достигшіе полного умственного

развитія, а слѣдовательно не имѣющіе еще правильнаго взгляда на послѣдствіе своихъ дѣяній, подвергались наказанію меньшему противъ опредѣленнаго за извѣстнаго рода преступленіе. Въ новѣйшихъ уложеніяхъ (а именно, саксонскомъ) на всѣ эти состоянія обращено гораздо болѣе вниманія, нежели прежде. Наконецъ, нужно еще замѣтить, что дѣянія вслѣдствіе тѣлесной дѣтельности (*Körperthätigkeit*) вовсе не вмѣняются, такимъ образомъ *физическое принужденіе* (*vis absoluta*) исключаетъ всякую наказуемость принуждаемаго. Обыкновенно этому физическому принужденію противоплакали *принужденіе психическое* (*vis compulsiva*), подъ которымъ разумѣается такого рода психическое вліяніе на человѣка, подъ которымъ онъ становится психически не свободнымъ. Оно заключается въ угрозахъ (сопровождаемыхъ насиліемъ или безъ онаго), при которыхъ аффектъ страха проявляется въ такой степени, что послѣдствіемъ дѣяній въ подобномъ состояніи бываетъ отсутствіе свободной воли, а слѣдовательно и ненаказуемость. Приверженцы абсолютной свободы, отрицающіе возможность психическаго принужденія и вслѣдствіе этого согласные съ выраженіемъ *coactus voluit, tamen voluit*, усматриваютъ при этомъ, что хотя поступокъ вслѣдствіе психическаго принужденія и находится въ отношеніи къ волѣ дѣателя, а слѣдовательно и является дѣяніе (*Handlung*), но такъ какъ въ основаніи его лежащая воля не свободна, то и самое дѣяніе преступнику не вмѣняется.

Основанія къ ненаказуемости дѣяній въ *состояніи необходимой обороны* заключаются въ психически принужденномъ положеніи обороняющагося. Если даже и не отсутствуетъ психическая свобода, то и тогда дѣянія въ этомъ состояніи ненаказуемы. Разумѣется эта ненаказуемость не основывается на какъ нибудь врожденномъ правѣ, но впослѣдствіи государство положительно должно будетъ принять извѣстную мѣру ненаказуемости дѣяній при необходимой самозащитѣ, потому что было бы противоестественно не обращать никакого вниманія на чувство самосохраненія и потому еще, что такого рода дѣянія не считаются общественнымъ оскорбленіемъ. Спрашивается, что же признать ближайшимъ опредѣленіемъ этой мѣры, какъ не принципъ возмездія? Состояніе необходимой обороны есть такое состояніе, въ которомъ единственное средство (по крайней мѣрѣ, по мнѣнію защищающагося) для отраженія нападенія заключается

въ самозащитѣ, слѣд. самозащита является какъ бы противодѣйствиемъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя исходятъ отъ нападающаго или, вѣрнѣе говоря, силой, противодѣйствующей насилію, поэтому она находитъ себѣ свою необходимую мѣру въ опасности, которую должна устранить. Если защищающійся, при самозащитѣ, не нанесетъ нападающему бѣдшаго зла, нежели послѣдній ему, то онъ не можетъ быть наказанъ, потому что наказаніе должно быть воздаяніемъ равнаго за равное; но зло, причиненное защищающимся дѣйствовало только какъ равное, а не чрезмерно, а потому наказаніе не можетъ, вопреки своему принципу, уничтожить это уравниваніе. Но нападающаго наказаніе постигнетъ, такъ какъ его дѣяніе, какъ общественное оскорбленіе, требуетъ примиренія. Еслибы не установить этаго отношенія между нападеніемъ и отраженіемъ, какъ предѣлъ *необходимой обороны*, то пришлось бы оправдывать убійство для спасенія ничтожнѣйшаго предмета собственности, еслибы оно было единственнымъ средствомъ. Впрочемъ, при взвѣшиваніи обстоятельствъ, нужно обращать вниманіе на субъективный взглядъ защищающагося на свое положеніе, которое, въ большей части случаевъ, кажется ему гораздо опаснѣе, нежели оно въ дѣйствительности. Не допускается также ограниченіе обороны противъ нападеній на вознаградимыя блага, хотя въпрочемъ различіе между благами вознаградимыми и не вознаградимыми весьма неопредѣленно. Вообще необходимая оборона допускается противъ всякаго незаконнаго нападенія, которому можно противостоятъ обороной. Необходимая оборона для защиты другаго допускается въ такой же мѣрѣ, какъ и самозащиты.

§ 3. Преступный умыселъ и простая неосторожность. До сихъ поръ мы говорили объ условіяхъ вмѣненія вообще, теперь скажемъ нѣсколько словъ о двухъ главныхъ видахъ вмѣненія, о *вмѣненіи при умыслѣ* и *вмѣненіи при неосторожности*. Преступнымъ умысломъ (*dolus*) называется направленіе воли на такое зло, за произведеніе котораго угрожаетъ наказаніе. Отъ этого необходимо отличать (хотя собственно законы страдаютъ здѣсь нѣкоторою неточностью выраженія) *нампреніе* (*Vorfaß*), т. е. направленіе воли на такія дѣянія, которыя служатъ только средствомъ къ исполненію преступнаго замысла, такъ напр. при убійствѣ *нампреніемъ* будетъ выстрѣлъ изъ оружія, а *умысломъ* — убійство чело-
вѣка. Умыселъ не слѣдуетъ также смѣшивать съ конечною цѣлью

(*Endabsicht*) или мотивомъ дѣателя. Обыкновенно эта конечная цѣль и слѣдовательно то обстоятельство, была ли она достигнута, напр. была ли удовлетворена корысть, побудившая къ убійству, не имѣетъ никакого вліянія на опредѣленіе существа преступленія, но при опредѣленіи наказанія слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на мотивы преступленія (Болѣе подробно — ниже).

Преступный умыселъ дѣлать на нѣсколько родовъ; въ этомъ отношеніи болѣе существенно:

1) Дѣленіе на *опредѣленный* и *не опредѣленный* или, вѣрнѣе, на *исключительно на одинъ предметъ* или на *тотъ и другой направленный умыселъ* (*dolus determinatus* и *dolus indeterminatus* или, вѣрнѣе *eventualis*). Совершенно неопредѣленный умыселъ, направленный собственно на вредъ, имѣетъ мѣсто только при умопомраченіи, вслѣдствіе аффекта (*Affectuolus*). Простой *опредѣленный умыселъ* имѣетъ мѣсто, если дѣатель исключительно направляетъ свою волю на опредѣленный результатъ; *dolus же eventualis* является только тогда, когда дѣатель, изъ многихъ возможныхъ, но не совмѣстныхъ послѣдствій, соизволяетъ на одно изъ нихъ; наконецъ *сложно-опредѣленный умыселъ* — если дѣатель направляетъ свою волю на многія совмѣстныя послѣдствія (напр. убійство нѣсколькихъ лицъ посредствомъ взрыва). Эвентуальный умыселъ въ большей части случаевъ менѣе наказуемъ, чѣмъ опредѣленный. Убійство съ опредѣленнымъ умысломъ наказывается строже, нежели убійство при умыслѣ эвентуальномъ, убійствѣ, при которомъ предпочтительно имѣлось въ виду нанесеніе раны.

2) Разграниченіе между *заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ* (*dolus praemeditatus*) и *намѣреніемъ*, происходящимъ отъ сильнаго душевнаго волненія (*impetus, dolus repentinus*) весьма основательно, такъ какъ въ первомъ случаѣ существующая психическая свобода даетъ возможность удержать преступную волю и потому самому въ этомъ случаѣ наказуемость растетъ по мѣрѣ того, какъ обнаруживается большая напряженность этой воли. Если же совершеніе преступленія было слѣдствіемъ аффекта, то оно менѣе наказуемо. При этомъ не слѣдуетъ ошибаться въ выраженіи *dolus repentitus* и полагать, что обдуманное намѣреніе требуетъ долгаго времени для своего возникновенія и осуществленія. Полная, зрѣлая обдуманность можетъ явиться, въ особенности у людей преступныхъ,

мгновенно, такъ что дѣяніе слѣдуетъ моментально за намѣреніемъ безъ всякаго при этомъ ограниченіи свободной воли какимъ нибудь душевнымъ волненіемъ. Различіе между обдуманнѣмъ намѣреніемъ и намѣреніемъ въ состояніи аффекта потому именно важно для положительнаго права, что на этомъ различіи основывается понятіе объ убійствѣ (*Mord*) въ противоположность смертельному удару (*Todtschlag*) (убійству въ состояніи аффекта). Съ случаемъ такъ называемаго умысла въ состояніи аффекта не нужно смѣшивать тѣ, весьма часто повторяющіеся случаи, въ которыхъ самое совершеніе дѣянія влечетъ за собою состояніе аффекта, которое, естественнымъ образомъ, не можетъ уменьшить способности обсужденія намѣренія.

Остальныя дѣленія умысла мы можемъ пропустить, такъ какъ отчасти они устарѣли, какъ напр. дѣленіе на *посредственный и непосредственный* (*dolus directus* и *indirectus*) — оно встрѣчается въ австрійскомъ уложеніи — или на *предшествующій, сопровождающій и послѣдующій* (легко видѣть, что послѣдній не имѣетъ смысла); для правильнаго же пониманія другихъ дѣленій необходимо было бы входить въ подробное разсмотрѣніе деталей.

Какъ за значительное правонарушеніе государство принуждено наказывать и за такія дѣянія, которыя являются не вслѣдствіе умысла, а вслѣдствіе *простой неосторожности* (*culpa*). Если, какъ нѣкоторые полагаютъ, неосторожность происходитъ отъ умственныхъ ошибокъ (*Verstandesfehler*), то понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о наказаніи, такъ какъ нельзя кого либо наказывать за то, что онъ обладаетъ меньшимъ умомъ, нежели было бы желательно. Но, въ дѣйствительности, неосторожность происходитъ отъ ошибокъ воли (*Willensfehler*). Весьма справедливо требуется, чтобы человѣкъ думалъ о возможности тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти изъ его дѣяній или, другими словами, требуется, чтобы запретить себѣ такое дѣяніе, на счетъ котораго можно серьезно опасаться. Понятно, что не нужно быть чрезмерно строгимъ, когда дѣло идетъ не только о вознагражденіи за причиненный вредъ, но и о наказаніи за неосторожность. Было бы требованіемъ невозможнаго, еслибы обязали человѣка, подъ страхомъ наказанія, при всякомъ предпріятіи думать о всевозможныхъ послѣдствіяхъ и отказаться отъ него, если между этими послѣдствіями будетъ и оскорбленіе кого либо. Еслибы всѣ обязаны были предвидѣть отдаленнѣйшія

и невѣроятнѣйшія послѣдствія всякаго предпріятія, то нельзя было бы ничего предпринимать. *Deliberante Roma Saguntum perit!* Слѣдовательно, можно только требовать внимательности относительно тѣхъ, не совсѣмъ невѣроятныхъ и въ обыкновенномъ порядкѣ вещей не рѣдко случающихся, послѣдствій, о которыхъ всякій здравомыслящій человѣкъ обязанъ подумать при своихъ предпріятіяхъ. Мѣра внимательности, конечно, не можетъ быть точно опредѣлена закономъ; здѣсь предоставляется широкій просторъ благоразумному усмотрѣнію судьи, который долженъ подвергнуть тщательному анализу какъ возрастъ, полъ, темпераментъ, званіе и образованность дѣятеля, такъ равно и особенность положенія, въ которомъ послѣдній находится.

Неосторожность раздѣляютъ на *безсознательную* и *сознательную*. Безсознательная неосторожность, неосмотрительность, *negligentia*, является въ томъ случаѣ, когда чье либо дѣяніе приводитъ къ дурному послѣдствію, о которомъ дѣятель вообще не думалъ. Сознательная неосторожность, дерзость, наглость, *luxuria* имѣетъ мѣсто тогда, когда кто либо, предполагая возможность дурныхъ послѣдствій своего дѣянія, но надѣясь, что таковыхъ не послѣдуетъ, все таки дѣйствуетъ, и исходъ, противъ желанія, бываетъ неблагопріятный. Понятно, что сознательная неосторожность составляетъ бѣольшую вину и иногда даже близко подходитъ къ умышенному поступку. Кто, напримѣръ, съ очевидной опасностью для человѣческой жизни выстрѣлить изъ ружья, мало отличается отъ того, кто эвентуально соизволяетъ, чтобы выстрѣлъ попалъ въ человѣка. Разница все таки заключается въ томъ, что первый вовсе не желалъ смерти лица, между тѣмъ какъ второй, въ крайнемъ случаѣ на то соизволялъ. Не совсѣмъ также вѣрно, чтобы сознательная неосторожность была болѣе наказуема, нежели безсознательная. Кто напримѣръ, предвидя возможность правонарушенія, принимаетъ противъ этаго мѣры, не достигающія однако цѣли, можетъ быть менѣе виновенъ того, кто, дѣйствуя легкомысленно, не думаетъ о тѣхъ близкихъ опасностяхъ, которыя онъ можетъ навлечь. Слѣдовательно, при опредѣленіи наказанія нужно остерегаться принимать за мѣру однажды установленную формулу. Не трудно также усмотрѣть, что гораздо больше нужно требовать отъ тѣхъ лицъ, которыя по обязанности службы, связаны особенною внимательностью, нежели отъ лицъ

постороннихъ — на это обстоятельство напираетъ даже большая часть нашихъ уложеній.

§ 4. Вліяніе заблужденія на наказуемость. Изъ опредѣленія преступнаго умысла, какъ направленія воли на дѣяніе, за исполненіе котораго угрожаетъ наказаніе, вытекаетъ то обстоятельство, что вслѣдствіе ошибочнаго пониманія фактическихъ или правовыхъ отношеній, умысла можетъ вовсе (или отчасти) не быть. Кто, вслѣдствіе подобнаго заблужденія не усматриваетъ, что его дѣяніе ведетъ къ правонарушенію (*Verletzung*), у того нѣтъ и преступнаго умысла. Если же ошибка не заходитъ такъ далеко и не вполне исключаетъ причинную связь между дѣяніемъ и правонарушеніемъ, то и умыселъ не вполне исключается. Кто, напримѣръ, принимаетъ человѣка за животное и въ этомъ убѣжденіи въ него стрѣляетъ, тотъ не можетъ быть обвиняемъ въ умышленномъ убійствѣ человѣка; если же кто либо, въ полномъ сознаніи, стрѣляетъ въ человѣка съ цѣлью его убить, но не знаетъ что это его отецъ, то онъ будетъ осужденъ не за отцеубійство, а за убійство простое. Теперь является вопросъ: можетъ ли ошибка, даже вполне исключаящая умыселъ, считаться неосторожностью или нѣтъ? Если ошибка была такого рода, что при должной внимательности она могла быть избѣгнута, то здѣсь уже является неосторожность. Подобную ошибку называютъ *минуемой* (*error vincibilis*); подъ ошибкой же *неминуемой* (*error invincibilis*) разумѣютъ такую, которая не можетъ быть избѣгнута даже при должномъ вниманіи.

Ошибка тогда только не вліяетъ на наказуемость дѣянія, если она является замѣной одного объекта для содѣянія преступленія другимъ (*error in objecto* или *error in persona*). Если А умышленно убьетъ В, принимая его за С, котораго онъ подстерегалъ, то понятно, что А будетъ наказанъ за убійство В, такъ какъ его воля была направлена на убійство лица, которое онъ застрѣлилъ. А видитъ передъ собою (въ В) живаго человѣка, направляетъ противъ него свою дѣятельность, чтобы его убить и приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе. Этого достаточно для состава умышленнаго убійства. Не то будетъ въ случаѣ такъ называемаго *отклоненія дѣянія* (*aberratio actus*). Если, напримѣръ, А, замахнувшись на В, для нанесенія ему смертельнаго удара, попадаетъ не въ него, а въ вблизи находящагося С, то онъ можетъ быть обвиненъ только въ

покушеніи на убійство В и въ тоже время въ неосторожномъ убійствѣ С. Въ первомъ случаѣ убійство было желаемое, во второмъ, при отклоненіи, убійство совершилось безъ всякаго желанія А, потому то оно и считается не умышленнымъ, а неосторожнымъ. Нѣкоторые писатели отрицаютъ существенное юридическое различіе между этими двумя случаями и видятъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ совершеніе дѣянія. Выше мы сказали, что ошибка, исключаящая всякій умыселъ, можетъ обнимать не только фактическія, но и правовыя отношенія; подъ этимъ не слѣдуетъ понимать сравненіе фактической ошибки съ *незнаніемъ или ошибочнымъ пониманіемъ закона*. Не знаніе или недостаточное знаніе законовъ считается не важнымъ не только закономъ, но даже и криминалистами. Невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ; если кто либо не знаетъ законовъ, то это его собственная вина, а потому это обстоятельство не можетъ служить оправданіемъ, потому что наказуемость преступныхъ дѣяній должна быть извѣстна каждому и безъ знанія законовъ. Впрочемъ, этотъ почти всюду господствующій взглядъ не проченъ. И дѣйствительно, полагать, что всякій долженъ знать законы — это не болѣе, какъ фикція. Такимъ же образомъ мало основаній предполагать, что наказуемость всѣхъ, по Уложеніямъ, преступленій должна быть извѣстна каждому. Будь это такъ, то ссылка на незнаніе закона не имѣла бы въ дѣйствительности никакого значенія. Можно только допустить слѣдующее: недостаточное знаніе закона не извиняетъ, если совершается такого рода преступленіе, наказуемость котораго должна быть всякому извѣстна и безъ этого знанія. Для сознанія вреда, безирравственности и недозволенности подобнаго дѣянія не нужно вовсе законовъ. Если же, напротивъ, дѣяніе есть не болѣе, какъ *delictum juris civilis*, наказуемость котораго нельзя предвидѣть безъ знанія законовъ, то, при доказанномъ незнаніи положительнаго права, можетъ вовсе и не быть наказанія, такъ какъ здѣсь нѣтъ и рѣчи о виновности. Подобныя *delicta juris civilis* встрѣчаются въ нашихъ Уложеніяхъ между такъ называемыми политическими преступленіями. Если устранить ихъ изъ законовъ, то тогда можно конечно сказать, что ссылка на незнаніе законовъ не оправдываетъ. Все, что здѣсь было говорено объ ошибкахъ, имѣетъ силу только тогда, когда это относится къ уголовнымъ законамъ. Напротивъ, ошибка въ законныхъ постановле-

ніяхъ, касающихся, напримѣръ, государственнаго или гражданскаго права, стоитъ въ уголовномъ отношеніи, наравнѣ съ ошибкой въ фактахъ. Кто, вслѣдствіе ошибочнаго пониманія установленныхъ нормъ гражданскаго права, считаетъ какую нибудь вещь своею собственностью, въ то время какъ она принадлежитъ другому, тотъ не можетъ быть наказанъ за воровство, если онъ отниметъ ее у другого противъ его воли; кто, вслѣдствіе ошибочнаго пониманія близкподходящихъ законовъ, полагаетъ (напримѣръ, помѣщикъ), что онъ имѣетъ право держать другихъ подъ арестомъ, не можетъ быть наказанъ за умышленное лишеніе свободы, если онъ дѣйствительно употребляетъ свое мѣстное право.

Совершенно противоположнымъ этому послѣднему роду ошибки является случай *ложнаго преступленія*, въ тѣсномъ смыслѣ (*delictum potateigen*), а именно, если кто либо, будучи ошибочнаго мнѣнія, что извѣстное дѣяніе запрещено закономъ, все таки его совершаетъ, такъ напримѣръ совокупляется съ женщиной, считая это противозаконнымъ. Понятно, что подобное дѣяніе ненаказуемо.

§ 5. Наказуемость вслѣдствіе упущеній. Выше мы сказали, что преступленіе есть дѣяніе. Понятно, что нормальное условіе наказуемости является тогда, когда кто либо становится тѣлесно дѣятеленъ и вслѣдствіе этаго совершаетъ зло. Но, съ другой стороны, вовсе не нужно, чтобы зло, характеризующее извѣстное преступленіе, было вполнѣ совершено. Очень часто одно только покушеніе уже наказуемо, съ другой стороны, простая недѣятельность или простое *упущеніе* извѣстной дѣятельности можетъ заключать въ себѣ элементы наказуемости. Это послѣднее обстоятельство мы рассмотримъ вкратцѣ, прежде нежели перейдемъ къ ученію о покушеніи. Еще при разсмотрѣніи неосторожныхъ преступленій мы замѣтили, что и простое упущеніе можетъ быть наказуемо. Положимъ, кто либо переѣхалъ и раздавилъ человѣка; это могло произойти или отъ того, что онъ неосторожно погналъ лошадей, или же отъ того, что онъ, вслѣдствіе неосторожности же, *упустилъ* изъ виду ихъ удержать, хотя могъ усмотрѣть, что человѣческой жизни угрожаетъ опасность. Легко можетъ случиться, что простое упущеніе будетъ умышленнымъ преступленіемъ. Это имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда уголовный законъ, предписывая опредѣленное дѣйствіе, угрожаетъ наказаніемъ за умышленное неисполненіе того,

что имъ предписано. Въ виду такого «повелительнаго закона» можно сдѣлаться преступникомъ лишь вслѣдствіе упущеній; такого рода преступленія являются лишь проступками вслѣдствіе упущеній (*delicta omissiones*). Если, напротивъ, уголовный законъ предписываетъ донести объ известномъ преступленіи, то понятно, что законъ нарушается лишь вслѣдствіе упущенія заявленій (весьма естественно, что законъ можетъ угрожать наказаніемъ и за неосторожность упущенія. Но и такъ называемые «запретительные законы», составляющіе главную часть Уложенія, могутъ быть также нарушены вслѣдствіе простыхъ упущеній. Можетъ случиться, что известные послѣдствія, подъ страхомъ наказанія закономъ запрещенныя, являются исключительно вслѣдствіе упущеній (*delictum per omissionem commissum*). Нужно однако замѣтить, что и въ данномъ случаѣ условіемъ наказуемости должна быть причинная связь между упущеніемъ и послѣдовавшимъ отъ этого зломъ, такъ что эта бездѣятельность должна явиться въ ряду причинъ преступнаго дѣйствія. Простыя мысли, злонамѣренныя желанія и пр. безъ всякаго внѣшняго дѣйствія сюда не относятся. Нельзя также принимать за причинную связь ни общее правовое обязательство быть дѣятельнымъ для отклоненія послѣдствія, ни специальное обязательство отклоненія тѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти изъ собственной (неумышленной) дѣятельности; кто, напримѣръ, безъ всякихъ преступныхъ цѣлей выкопаетъ ровъ, то понятно, что на немъ лежитъ нравственная обязанность остерегать приближающагося врага отъ паденія въ него; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то онъ все таки не будетъ преступникомъ, хотя бы онъ и желалъ ему смерти, послѣдовавшей отъ этого паденія. Самъ ли онъ выкопалъ ровъ или кто либо другой — это все равно, такъ какъ это дѣйствіе (копаніе) совершенно не входитъ въ составъ преступленія. Казалось бы, что того, кто, вопреки своей специальной обязанности, не устраняетъ послѣдствій, законъ наказываетъ также строго, какъ и того, кто ихъ приводитъ; но подобный законъ, своимъ существованіемъ, утверждаетъ только правила причинной связи, которыя онъ дополняетъ уже фикціей.

• § 6. Покушеніе. Ученіе о покушеніи (*conatus delinquendi*) до настоящаго времени преисполнено спора. Уже при построеніи о покушеніи, вслѣдствіе отрывистой, неполной формы дѣяній, возникаютъ большія трудности, объясняющія почти совершенное отсутствіе

самостоятельнаго пониманія этаго вида преступленія въ древне-германскомъ правѣ. Какъ необходимые элементы наказуемаго дѣянія нужно разсматривать два фактора: направленіе воли (которое также можетъ быть неосторожное) и какое нибудь внѣшнее дѣйствіе (сюда относятся и упущенія въ вышесказанномъ смыслѣ). Простой умыселъ, простое рѣшеніе на что нибудь не можетъ быть наказуемо; намѣренію можно противодѣйствовать намѣреніемъ, но ему не можетъ быть противопоставлено наказаніе, какъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Тѣмъ не менѣе можетъ и тогда быть преступленіе, если преступный умыселъ осуществляется хотя и не вполне, но отчасти. Въ самой природѣ государственныхъ преступленій мы замѣчаемъ, что при нихъ преступный умыселъ никогда не достигаетъ полного осуществленія. Кто, напримѣръ, намѣревается погубить государство, если его образъ дѣйствія въ дѣйствительности и не доведетъ къ этой гибели, осуществленіе подобнаго умысла есть уже серьезное зло для государства; полное же осуществленіе вполне отняло бы у государства возможность употреблять свою карательную власть. Говорить, слѣдовательно, о наказуемости подобныхъ намѣреній было бы абсурдомъ. Даже частное осуществленіе преступнаго умысла заключаетъ уже въ себѣ зло (наказуемое) для общества. Какъ только является злодѣяніе (*Uebelthat*), а не обнаруживающееся намѣреніе, то тотчасъ же можетъ наступить и наказаніе за покушеніе. Напротивъ, въ простой угрозы совершенія преступленія нельзя еще видѣть покушенія на него. Но все таки подобная угроза, внушая другимъ страхъ, можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельное преступленіе, или даже можетъ явиться покушеніемъ на принужденіе, вымогательство, грабежъ и пр., если она служитъ средствомъ для исполненія подобнаго рода преступленій.

Изъ сказаннаго видно, что покушеніе есть неполное осуществленіе преступнаго умысла, въ противоположность осуществленію полному, являющемуся при совершеніи преступленія (*delictum consummatum*). Какъ только умыселъ (*dolus*) осуществляется отчасти, то уже нельзя различать а priori приготовленіе отъ покушенія. Какъ только начинается осуществленіе умысла, то вмѣстѣ съ тѣмъ является и наказуемость, которая, понятно, все болѣе и болѣе растетъ съ дальнѣйшимъ продолженіемъ дѣянія. Если кто предпринимаетъ кое-какія дѣйствія, служащія къ преступной цѣли, но не

рѣшается еще на ихъ совершеніе или ставить все въ зависимость отъ болѣе или менѣе удачнаго исхода этихъ дѣйствій, то понятно, что эти дѣйствія ненаказуемы, такъ какъ здѣсь еще нѣтъ умысла (*dolus*); если же умыселъ существуетъ и для осуществленія его предпринимается какое либо дѣйствіе, къ нему ведущее, то это дѣйствіе образуетъ нераздѣльную часть злодѣянія, т. е. наказуемое покушеніе. Не безъ основанія уголовные законы угрожаютъ наказаніемъ за покушеніе такія только дѣйствія, изъ которыхъ, съ большей или меньшей вѣроятностью, видно направленіе на опредѣленное преступленіе. Безъ подобной внѣшней точки опоры не можетъ быть приведено доказательство умышленнаго преступленія, такъ какъ предстоящія дѣйствія сами по себѣ обширны; кто, напри- мѣръ, покупаетъ оружіе, можетъ это сдѣлать съ преступною цѣлью или также и безъ всякаго умысла. Одно лишь признаніе могло бы дать здѣсь требуемыя данныя, но опираться на такое простое, ни на чемъ не основанное, признаніе было бы весьма осудительно. Такого рода уголовные процессы должны былибъ остаться безъ результата, что повлекло бы за собою умаленіе довѣрія къ уголовной юстиціи. Уголовные законы весьма справедливо не обращаютъ вниманія на такія дѣянія, въ которыхъ составъ извѣстнаго преступленія не вполне ясно выражается; это такъ называемое *не наказуемое приготовленіе*. Исключеніе является только въ государственныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ даже приготовленіе наказуемо. Весьма часто случается, что законъ наказываетъ какъ совершенное преступленіе такое дѣяніе, которое является какъ бы только покушеніемъ, такъ какъ оно не вполне осуществляетъ умыселъ, такъ напри- мѣръ, при нѣкоторыхъ государственныхъ преступленіяхъ, какъ уже было замѣчено выше, или при грабежѣ, который нѣкоторыми уголовными кодексами считается оконченнымъ, вслѣдствіе одного насилія надъ личностью, хотя бы у ней ничего не было ограблено. Изъ нашего пониманія покушенія, какъ не полнаго осуществленія преступнаго умысла, а не только его обнаруживанія, вытекаетъ нашъ взглядъ на спорный вопросъ о ненаказуемости такъ называемыхъ *негодныхъ покушеній*. Въ покушеніи, негодящемся для приведенія преступныхъ послѣдствій, мы не находимъ никакаго осуществленія умысла. Умыселъ кого-либо убить можетъ только осуществиться при употребленіи дѣйствительныхъ средствъ, но не, напри- мѣръ, чрезъ употребленіе

средствъ безвредныхъ, чрезъ колдовство, заклинаніе и пр. Нельзя также рѣшить, избрало ли лицо, желавшее другаго убить негоднымъ средствомъ; это послѣднее по незнанію, думая, что оно имѣетъ смертоносное качество, или онъ получилъ это средство по ошибкѣ, вслѣдствіе замѣны, случайно, и т. д. въ то время какъ въ дѣйствительности онъ предполагалъ употребить средство годное; все равно, напримѣръ, употребилъ ли кто либо магnezію для отравы другаго, предполагая, что магnezія есть ядъ, или онъ это сдѣлалъ по ошибкѣ, думая, что взялъ мышьякъ вмѣсто магnezіи. Основаніе ненаказуемости этихъ дѣяній заключается не въ отсутствіи умысла; напротивъ, умысла здѣсь много, но ненаказуемость является вслѣдствіе неосуществленія его.

Въ то время, какъ нѣкоторые писатели защищаютъ ненаказуемость негодныхъ покушеній, другіе находятъ различіе между абсолютной и относительной негодностью. При относительной негодности средствъ, т. е. ихъ недостаточности въ данномъ случаѣ, наказуемость должна быть; при явнѣ дѣятель тѣ-же средства въ большемъ количествѣ и дѣяніе удалось бы. Если же средства и качественно (или абсолютно) негодны, то покушеніе остается ненаказуемымъ. Но и въ первомъ случаѣ, случаѣ количественной негодности, нѣтъ также осуществленія умысла или если и есть, то столько же, сколько въ намѣреніи достигъ луны, приподнявшись на воздушномъ шарѣ на милью отъ поверхности земли. Тоже можно сказать относительно покушенія на негодный объектъ, напримѣръ, выстрѣлъ въ трупъ.

Уголовные законы считаютъ также свободнымъ отъ наказанія того, кто, до совершенія преступленія, добровольно отказывается отъ преступнаго предпріятія. Если даже въ подобномъ случаѣ уже совершенное есть само по себѣ самостоятельное преступленіе, то наказаніе послѣдуетъ за это совершенное преступленіе, а не за преступленіе, на которое лицо покушалось. Кто, напримѣръ, замышляя кого либо убить, наноситъ ему раны и добровольно отказывается отъ убійства, тотъ будетъ наказанъ не за покушеніе на убійство, а за нанесеніе ранъ. Напрасно было бы искать основанія всему этому, хотя болѣшинство утверждаетъ ненаказуемость покушенія добровольно оставленнаго. Можно только привести уголовно-политическія основанія подобной ненаказуемости, а именно, что

очень часто дѣятель потому только оставляетъ покушеніе, что онъ предвидитъ ненаказуемость. Но съ другой стороны преступникъ легче будетъ приступать къ исполненію своего намѣренія, зная, что ему всегда есть возможность добровольно его оставить. Разсматривая дѣло въ принципѣ, можно видѣть въ этомъ оставленіи одно лишь основаніе къ смягченію наказанія, такъ какъ здѣсь является меньшая напряженность преступной воли, но во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія къ полному исключенію наказанія, такъ какъ уже совершенное не можетъ быть сдѣлано несовершенномъ, вслѣдствіе одного только измѣненія воли; наказуемое сдѣлается ненаказуемымъ вслѣдствіе одного дальнѣйшаго недѣянія (отсюда также вытекаетъ, что покушеніе, пачатое годными средствами, но продолженное средствами негодными, также наказуемо). Покушеніе обыкновенно раздѣляютъ на *не оконченное* и *оконченное* (*status perfectus delictum perfectum, delit manqué*) и утверждаютъ, что при оконченномъ покушеніи не можетъ быть и рѣчи о добровольномъ оставленіи, а потому и не можетъ быть ненаказуемости. Но это вѣрно только въ томъ случаѣ, когда оконченное покушеніе опредѣляютъ такимъ, при которомъ дѣятель сдѣлалъ съ своей стороны все необходимое для совершенія преступленія (а не только то, что онъ считалъ для этого необходимымъ), а ожидаемыя послѣдствія не наступили, или такимъ, когда дѣятель напрасно приводилъ въ исполненіе дѣяніе, непосредственно направленное на исходъ. При такомъ условіи дѣйствительно не можетъ быть и рѣчи о добровольномъ оставленіи. Является еще вопросъ: будетъ ли наказуемость, въ видѣ вознагражденія, вслѣдствіе противодѣйствія вреднымъ послѣдствіямъ оконченнаго покушенія? Здѣсь вѣдь также идетъ дѣло о добровольномъ воспрепятствованіи совершенію преступленія, это воспрепятствованіе является и тогда, когда кто-либо, желая другаго отравить, подаетъ ему ядъ (что составляетъ оконченное покушеніе) и затѣмъ, вслѣдствіе угрызений совѣсти, устрашаетъ всякія вредныя послѣдствія своего дѣянія противоядіемъ. Дѣленіе на покушеніе *близкое* и *отдаленное* не имѣетъ никакого значенія; это дѣленіе можетъ быть признаваемо на произвольномъ только основаніи. Различаютъ также *квалифицированное* покушеніе отъ покушенія *простого*. Покушеніе перваго рода имѣетъ мѣсто тогда, когда на ряду съ покушеніемъ на преступленіе является преступленіе самостоятельное, т. е. напримѣръ,

кто-либо поджигаетъ домъ съ цѣлью умертвить находящагося въ немъ человѣка, то здѣсь съ одной стороны будетъ покушеніе на убійство, а съ другой — преступленіе оконченное — поджогъ.

Что касается *наказанія* за покушеніе, то оно является какъ бы дробною частью наказанія за оконченное преступленіе, такъ какъ покушеніе есть только обломокъ (фрагментъ) преступленія, т. е. если дѣло ограничивается однимъ лишь простымъ покушеніемъ, то наказаніе должно быть всегда гораздо легче, нежели въ томъ случаѣ, когда является вѣроятность, что преступленіе могло быть совершено. Съ другой стороны, понятно, что наказаніе за покушеніе бываетъ иногда выше, нежели наказаніе за совершеніе однороднаго преступленія; осуществленіе замысла отчасти въ первомъ случаѣ можетъ заключать въ себѣ гораздо больше зла, нежели полное его осуществленіе во второмъ. Но все таки нельзя утверждать, что хотя дѣло ограничилось однимъ лишь покушеніемъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ является такое же зло, какъ и при полномъ совершеніи преступленія; поэтому нельзя считать справедливымъ полное уравниваніе покушенія съ совершеніемъ, какъ это мы замѣчаемъ во французскомъ и, въ болѣе ослабленномъ видѣ, въ австрійскомъ, прусскомъ и баварскомъ правѣ *).

Наконецъ, что опредѣленное различіе между разными степенями покушенія и объясненіе добровольно оставленнаго покушенія ненаказуемымъ — нами не допускается, было уже замѣчено выше.

§ 7. *Соучастіе* (и *укрывательство*). Мы до сихъ поръ разсматривали субъективный и объективный составъ преступленія, предполагая въ совершающемъ оное одну лишь личность. Особого рода затрудненія, требующія подробнаго разсмотрѣнія, являются въ томъ случаѣ, когда многія лица умышленно соединяются для совершенія извѣстнаго рода преступленія. Это обстоятельство обыкновенно называютъ *участіемъ въ преступленіи* (*concursum plurium ad idem delictum*) или *соучастіемъ въ винѣ* (*Mitschuld*). Если подъ участіемъ въ преступленіи нужно разумѣть умышленное содѣйствіе

*) Изъ вышензложеннаго очевидно, что покушеніе сравнительно съ осуществленіемъ менѣе наказуемо, причемъ однако *maximam* наказанія за покушеніе не долженъ превосходить *minimam* наказанія, установленнаго за оконченное преступленіе.

многихъ къ совершенію преступленія, то само собою изъ этого понятія исключается;

1) Всякое неумышленное содѣйствіе къ преступленію; кто напримѣръ, по неосторожности даетъ другому возможность красть или кто съ научною цѣлью посвящаетъ другаго въ распознаваніе ядовъ, употребляемыхъ послѣднимъ при преступленіи, тотъ хотя и содѣйствовалъ совершенію этихъ преступленій, но все таки онъ не является соучастникомъ вслѣдствіе отсутствія умысла.

2) Господствующее воззрѣніе клонится къ тому, что къ участію не относится также всякое содѣйствіе къ преступленію, которое, будь оно даже сознательно, неразрывно связано съ понятіемъ о совершеніи преступленія, это — такъ называемое *concursum necessarius (plurimum ad idem delictum)*; такъ какъ такого рода содѣйствіе является лишь въ особеннаго свойства преступленіяхъ, то его подробный разборъ будетъ предметомъ другаго отдѣла и мы скажемъ лишь, что для опредѣленія вины соучастника въ «*concursum necessarius*» могутъ быть примѣнены правила, установленныя для «*concursum facultativus*».

3) Такъ называемое укрывательство, которое является уже по совершеніи преступленія или въ сокрытіи слѣдовъ его или въ сокрытіи самаго преступника, не есть содѣйствіе къ совершенію преступленія, а самостоятельное преступленіе. Это есть умышленное содѣйствіе къ продолженію отъ преступленія происшедшаго зла, причемъ совершенно или отчасти стараются скрыть слѣды его. Наказуемость его, конечно, сообразуется съ характеромъ или тяжестью главнаго преступленія. Укрывательствомъ, по уложеніямъ, называется утайка относительно преступленій противъ собственности (кража, грабежъ), сокрытіе отъ властей и освобожденіе преступника изъ подъ ареста. Есть два главныхъ вида соучастія: *главная виновность* и *пособничество*. Но такъ какъ содѣйствовать каждому преступленію можно или чрезъ интеллектуальное вліяніе на другихъ, или чрезъ собственную физическую дѣятельность, то посему и каждый изъ этихъ двухъ видовъ соучастія дѣлится на *интеллектуальный* и *физическій*.

I. *Интеллектуальнымъ виновникомъ, подстрекателемъ* называется тотъ, кто, не участвуя въ преступленіи, склоняетъ къ оному другихъ. Преступная дѣятельность, къ которой подстрекають, можетъ

быть или главною виновностью или пособничествомъ. Слѣдовательно, является подстрекательство къ пособничеству и подстрекательство къ подстрекательству или «посредственное подстрекательство». Наказуемость подстрекателя является лишь съ того момента, когда виновникъ дошелъ уже до наказуемаго покушенія; если же виновникъ совершаетъ преступленіе, то наказуемость подстрекателя увеличивается. Подстрекательство наказывается какъ содѣйствіе къ преступленію, но объ этомъ можетъ быть только рѣчь, когда является хоть малѣйшее покушеніе. Подстрекательство, рассматриваемое какъ простое вліяніе на волю другаго, еще не наказуемо. Если дѣло не доходитъ къ покушенію на преступленіе, то нѣтъ еще никакого наказуемаго зла и если уже подобное покушеніе является, то тогда только можно привлечь къ отвѣтственности участвующихъ. Нѣкоторые писатели и даже Уложенія принимаютъ, что даже такъ называемое *покушеніе на подстрекательство* наказуемо, но забываютъ при этомъ, что простое обнаруженіе умысла не есть еще его осуществленіе. Наказуемость подстрекателя вообще столь же велика, какъ и наказуемость дѣателя. Иногда конечно его поступки обнаруживаютъ большую напряженность преступнической воли, чѣмъ у дѣателя, но бываетъ и наоборотъ. Спеціальныя основанія для опредѣленія наказанія, его измѣненія и исключенія, должно всегда подвергнуть строгой оцѣнкѣ. Что касается средствъ, употребляемыхъ для подстрекательства, то это рѣшительно все равно. Поэтому споръ объ этомъ совершенно лишній. Приказаніе, порученіе, совѣтъ, просьба, угроза, подарки и обѣщанія — вотъ обыкновенныя формы подстрекательства. Угроза тогда только является средствомъ подстрекательства, если она не причиняетъ угрожаемому психическую несвободу; если же угрожаемый дѣйствуетъ несвободно, то онъ не можетъ быть обвиненъ въ преступленіи, а единственнымъ виновникомъ является угрожающій. Если дѣятельность соучастника, сдѣлавшагося таковымъ вслѣдствіе подстрекательства, не можетъ быть признана умышленною, а лишь случайною, то подстрекатель является или главнымъ виновникомъ, или пособникомъ, смотря потому, подстрекалъ ли онъ къ совершенію главнаго преступленія или же побуждалъ только къ болѣе или менѣе подчиненной дѣятельности. Особенная трудность представляется, если подстрекаемый превышаетъ данное ему порученіе подстрекателя. При обсужденіи подобныхъ случаевъ

нужно остерегаться примѣнять принципы объ отвѣтственности поручающаго, почерпнутые изъ гражданскаго судпроизводства, къ дѣламъ, относящимся къ области уголовной. Подстрекатель отвѣчаетъ за то только дѣяніе, которое находится въ предѣлахъ имъ замышляемаго, слѣдовательно отвѣчаетъ и тогда, если преступленіе, совершенное подстрекаемымъ, только отчасти входитъ въ составъ того преступленія, къ которому онъ былъ подстрекаемъ, напримѣръ, если подстрекаемый къ грабежу учиняетъ только воровство.

Вопросъ о вліяніи добровольно оставленнаго подстрекательства на ненаказуемость требуетъ осторожной оцѣнки. Очень часто полагаютъ, что для ненаказуемости достаточно взять обратно порученіе до совершенія дѣянія. Но, тѣмъ не менѣе, если прежнее вліяніе подстрекателя такъ велико, что, не смотря на обратно взятое порученіе, подстрекаемый все таки дѣйствуетъ, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи о ненаказуемости, развѣ тогда, если подстрекателю удастся отклонить и самое покушеніе на преступленіе. Если находятъ основаніе ненаказуемости въ покушеніи, добровольно оставленномъ, то слѣдуетъ не подвергать наказанію и того подстрекателя, который употребляетъ всѣ мѣры, чтобы преступленіе окончилось на одномъ только простомъ покушеніи. Можетъ быть подстрекательство и къ такого рода преступленію, которое подстрекатель самъ совершить не можетъ; напримѣръ, подстрекательство не служащимъ служащаго къ преступленію по должности, женою мужа къ изнасилованію и т. д. Если нѣсколько лицъ всеобщими усиліями умышленно кого либо подстрекаютъ къ преступленію, то они являются интеллектуальными совиновниками.

II. *Физическимъ виновникомъ, дѣятелемъ* называется тотъ, который совершаетъ преступленіе. Въ ученіи о соучастіи полагается только умышленный дѣятель, хотя понятіе о виновности можетъ быть перенесено и на преступника неосторожнаго. Какъ мы уже замѣтили выше, только умышленный виновникъ является какъ подстрекаемый — къ совершенію же преступленія могутъ содѣйствовать и многіе. Если же вслѣдствіе ихъ соединенной дѣятельности приводится въ исполненіе только одно преступленіе, то они являются въ сообществѣ *умышленномъ*. Часто случается, что извѣстное послѣдствіе вытекаетъ какъ общій результатъ дѣятельности многихъ лицъ, дѣйствовавшихъ съ тѣмъ же преступнымъ умысломъ, но такъ однако, что

какъ до, такъ и при дѣяніи, одинъ не знаетъ о другомъ, напр. въ одного и того же одновременно стрѣляютъ двое, не зная одинъ о другомъ. Дѣйствіе каждаго изъ нихъ будетъ въ данномъ случаѣ разсматриваться самостоятельно, такъ какъ никому не можетъ быть вѣроятно то, что совершаетъ другой безъ его вѣдома. Если же оба дадутъ промахъ или если нанесенныя ими раны, вслѣдствіе только совокупнаго ихъ дѣйствія, смертельны, то оба будутъ наказаны лишь за покушеніе: тоже и въ томъ случаѣ, если нельзя опредѣлить, кто изъ нихъ двухъ нанесъ смертельную рану. Если извѣстенъ виновникъ, нанесшій смертельную рану, то онъ наказывается за совершенное убійство. Слѣдовательно, дѣйствіе каждаго изъ нихъ разсматривается такъ же самостоятельно, какъ и въ томъ случаѣ, если отъ совпаденія двухъ неосторожныхъ дѣяній относительно одного объекта является одно послѣдствіе.

Совершенно не то бываетъ въ томъ случаѣ, когда нѣсколько лицъ совершаютъ сообща преступленіе, зная объ этомъ сообществѣ; они тогда являются соучастниками и каждому изъ нихъ вполне вѣроятно преступленіе. Если, слѣдовательно, двое, въ подобномъ сообществѣ, ранятъ челоуѣка и слѣдствіемъ этаго будетъ смерть послѣдняго, то оба являются виновниками оконченнаго убійства. Здѣсь все таки является предположеніе, что дѣйствительно каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, какъ главный виновникъ, а не пособникъ. Слѣдовательно, каждый долженъ дѣйствовать самостоятельно, а не являться какъ бы помощникомъ другаго.

Сообщество раздѣляется на *сообщничество безъ предварительнаго согласія* и *сообщничество съ предварительнымъ согласіемъ*. Первое имѣетъ мѣсто тогда, когда безъ предварительнаго согласія, только въ моментъ дѣянія, наступаетъ сознаніе дѣйствія сообща. Въ случаѣ предварительнаго согласія возникаетъ вѣсть съ тѣмъ и вопросъ о подстрекательствѣ одного другимъ. Независимо отъ этаго и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, прійдется разсматривать сообщничество. Болѣе подробно мы поговоримъ объ этомъ ниже, въ отдѣлѣ, посвященномъ заговору.

III. *Помощникомъ* или *пособникомъ* называется тотъ, кто сознательно помогаетъ другому въ совершеніи преступленія. Его образъ дѣйствій не таковъ, чтобъ его считать виновникомъ. Только тотъ считается виновникомъ, кто совершаетъ главное дѣйствіе

преступленія (будь это даже въ виду чужихъ интересовъ, по дружбѣ и т. д.). Слѣдовательно, при опредѣленіи виновника, главную роль играютъ не субъективные, а объективные отличительные признаки (по перѣдко однако высказывается и противоположный взглядъ); посему нужно обращать главное вниманіе не на то, была ли дѣятельность преступника не самостоятельною или подчиненною, а на разнородность мотива оной. Многіе утверждаютъ, что лицо, содѣйствующее преступленію въ виду чужихъ интересовъ и желающее таковое, какъ »чужое», является только пособникомъ; виновникомъ же тотъ, кто соизволяетъ на преступленіе, какъ на «свое» и дѣйствуетъ въ виду своихъ интересовъ. Но понятно, что лицо, дѣлающее преступленіе, чрезъ свое содѣйствіе, «своимъ», не можетъ соизволять на таковое, какъ на «чужое»; его собственный умыселъ дѣлаетъ его преступникомъ. Каковы бы ни были мотивы, руководящіе имъ въ его дѣятельности, это для сущности преступленія равнозначительно. Кто имѣетъ живѣйшій интересъ въ совершеніи преступленія, но содѣйствуетъ этому только чрезъ вспомогательныя дѣйствія, не можетъ считаться виновникомъ вслѣдствіе одного этаго интереса и наоборотъ, тотъ, кто самъ совершаетъ преступленіе, хотя и въ интересахъ другаго лица, не можетъ утверждать, что онъ только помогалъ этому лицу. Не нужно смѣшивать умысла съ мотивомъ или цѣлью. Кто въ дѣйствительности только помогаетъ, у того такъ называемый «виновническій умыселъ» не обнаруживается, а потому онъ и не можетъ быть признанъ виновникомъ. Трудно, напримѣръ, допустить, чтобы тотъ, кто доставляетъ вору поддѣльные ключи, былъ бы виновникомъ, а не пособникомъ, потому только, что у него были свои интересы для совершенія воровства.

Пособничество дѣлится на *физическое и интеллектуальное*. Последнее заключается въ сознательномъ пособіи чрезъ нравственное вліяніе. Оно является въ поддержаніи преступнаго намѣренія, въ надѣленіи совѣтомъ или преподаваніи, въ выхваливаніи дѣянія и т. д., такъ что иногда его очень трудно отличить отъ подстрекательства; нужно помнить, что последнее должно заключаться въ дѣятельности, вызывающей преступное намѣреніе и предпринимаемой съ этимъ умысломъ. Впрочемъ и физическое пособничество дѣйствуетъ также интеллектуально, укрѣпляя намѣреніе преступника чрезъ знаніе о пособничествѣ, развѣ если преступникъ не знаетъ, что ему оказывается помощь.

Пособничество, равно какъ и подстрекательство, тогда только наказуемо, если виновникъ по крайней мѣрѣ совершитъ покушеніе на преступленіе; одна лишь связь съ замышляемымъ преступленіемъ подавляетъ всякій характеръ преступленія и, слѣдовательно, какъ содѣйствіе къ несовершившемуся преступленію, не можетъ быть наказуемо. Слѣдовательно, нѣтъ покушенія на пособничество, но есть пособничество къ покушенію на преступленіе. Какъ наказуемость подстрекательства, такъ равно и наказуемость пособничества, увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше идетъ дѣятельность физическаго виновника къ совершенію преступленія.

Относительно степени наказанія, пособникъ во многомъ отличается отъ виновника. Такъ какъ содѣйствіе перваго къ преступленію является подчиненнымъ, то и наказаніе его гораздо слабѣе. Законы были бы весьма справедливы, еслибы они назначали за пособничество наказаніе низшее, чѣмъ за главное виновничество, но такъ, чтобы тахімъ наказанія пособнику превышало минимумъ его для главнаго виновника, такъ какъ очень часто въ особенно важномъ случаѣ пособникъ заслуживаетъ большаго наказанія, нежели виновникъ въ случаѣ менѣе важномъ. Изъ сказаннаго видно, что нельзя признать справедливымъ то обстоятельство, что прусское и баварское уложенія, по примѣру французскаго права, уравниваютъ вообще пособника съ виновникомъ. Даже и австрійское право придерживается подобной непоследовательности.

Изъ преждесказаннаго о пособничествѣ вытекаетъ слѣдующее предложеніе: нѣтъ пособничества безъ умышеннаго виновника. И такъ, если лицу, кажущемуся виновникомъ, дѣяніе совершенно не вмѣняемо или вмѣняется не какъ умышенное, то умышенно помогавшій является уже не пособникомъ, а единственнымъ главнымъ виновникомъ преступленія. Его дѣятельность не есть уже подчиненная, а дѣятельность, самостоятельно управляющая причинною связью. Мы можемъ, слѣдовательно, весьма удобно опредѣлить пособничество, какъ принадлежность главнаго виновничества, что однако не мѣшаетъ разсматривать особенныя личныя обстоятельства при назначеніи наказанія пособнику. Это опредѣленіе также доказываетъ, что уложенія неправы, допуская отсутствіе умышенности при пособничествѣ. Пособникъ является на столько соучастникомъ виновника, на сколько онъ этого самъ желалъ. Если виновникъ

совершаетъ другое преступленіе, а не то, въ которомъ пособникъ хотѣлъ оказать помощь, то послѣдній въ совершенномъ преступленіи отвѣчаетъ на столько, на сколько составъ этаго преступленія согласуется съ составомъ того, которому онъ хотѣлъ помогать. Слѣдовательно, если виновникъ учинитъ кражу вмѣсто грабежа, то пособникъ также является соучастникомъ; если же наоборотъ, вмѣсто кражи будетъ учиненъ грабежъ, то пособникъ, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть осужденъ только за пособничество къ кражѣ.

Добровольное оставленіе пособничества нужно разсматривать совершенно аналогически съ добровольнымъ оставленіемъ подстрекательства. Если пособнику не удастся удержать виновника отъ преступнаго покушенія, то простое оставленіе пособничества не помогаетъ, какъ только дѣяніе было совершено при помощи вспомогательной дѣятельности; если же напр. воръ не пользуется полученными поддѣльными ключами, находя ихъ негодными, то пособникъ не отвѣчаетъ за негодное покушеніе на помощь. По аналогіи съ обыкновенно принятою ненаказуемостью виновника, добровольно оставляющаго совершеніе преступленія, тогда только соединяють ненаказуемость пособника, если послѣдній препятствуетъ виновнику въ совершеніи преступленія.

Наконецъ нужно еще упомянуть, что очень часто, хотя и безъ прочнаго основанія, различаютъ *пособничество существенное отъ несущественнаго*. Гораздо большее значеніе имѣетъ такъ называемое «спеціальное соучастіе»; сюда относится напр. пособіе служащаго для совершенія преступленія по должности. Легко также усмотрѣть, что можетъ существовать пособничество къ пособничеству; рѣже можетъ быть пособничество къ подстрекательству, хотя и здѣсь собственно не трудно построить понятіе объ интеллектуальномъ пособничествѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ понятіе о подстрекательствѣ, виновничествѣ и пособничествѣ, мы тѣмъ самымъ обняли весь кругъ разнаго рода соучастій, но тѣмъ не менѣе намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о *заговорѣ* и *шайкѣ*. Подъ *заговоромъ* обыкновенно разумѣется умышленный союзъ (условіе) многихъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ цѣлью «привести въ исполненіе преступленіе, какъ свое собственное». Какъ легко замѣтить, это опредѣленіе основывается на той субъективной теоріи, которая находитъ

различіе между главными виновниками и пособниками въ разнородномъ умыслѣ. Вслѣдствіе такого понятія утверждаютъ, что всѣ заговорщики отвѣчаютъ какъ главные виновники совершеннаго преступленія, не смотря на то, были ли дѣйствія кого нибудь изъ нихъ только вспомогательными, или оставался ли кто либо даже совершенно бездѣтельнымъ. Ясно, что при такого рода взглядѣ истина уступаетъ мѣсто фикціи. Вѣрнѣе всего разсматривать заговорщиковъ по общимъ правиламъ соучастія и опредѣлять мѣру наказанія каждому изъ нихъ, смотря по тому, былъ ли онъ въ извѣстномъ преступленіи подстрекателемъ, пособникомъ или главнымъ виновникомъ. Слѣдовательно, заговоръ не есть самостоятельный видъ преступленія и потому баварское и прусское законодательства, равно какъ и австрійское, весьма справедливо не назначили для него особенныхъ постановленій. По общимъ законоположеніямъ заговоръ, въ которомъ не было еще покушенія на совершеніе преступленія, не наказуемъ. За заговоры на государственную измѣну уголовные кодексы обыкновенно угрожаютъ бѣльшимъ наказаніемъ, такъ какъ при государственныхъ преступленіяхъ играетъ, къ сожалѣнію, большую роль точка зрѣнія полицейская.

Отъ заговора нужно отличать уголовное понятіе о *шайкѣ*, подъ которою разумѣютъ союзъ нѣсколькихъ лицъ къ постоянному совершенію еще не опредѣленныхъ преступленій одного и того же или различнаго рода. То обстоятельство, что преступленіе совершено такими лицами, которые считаются членами шайки, могло бы служить, при опредѣленіи наказанія, доказательствомъ большей напряженности ихъ преступной воли, но тѣмъ не менѣе на союзъ въ шайку не могутъ дѣйствовать правила, которыя отклонялись бы отъ общихъ правилъ, постановленныхъ для соучастія. Отсюда простое образованіе шайки не наказуемо.

Сочлены шайки отвѣчаютъ за преступленіе, входящее въ программу шайки, и совершенное однимъ или другимъ изъ членовъ лишь тогда, если они являются подстрекателями или соучастниками.

О средствахъ наказанія.

Введеніе. Мѣры наказанія тогда только соотвѣтствуютъ назначенію раціональнаго уголовного судопроизводства, когда онѣ во 1-хъ) осуществляютъ принципъ возмездія, а во 2-хъ) способствуютъ достиженію цѣли наказанія. Посему, мѣры наказанія должны быть таковы, чтобы во 1-хъ) примѣненіе ихъ было справедливымъ воздаяніемъ, отсюда а) онѣ должны заключать въ себѣ дѣйствительное зло, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ объ уравниеніи злодѣяній б) должны обладать какъ можно больше *расширяемостью* и *длительностью*, для того чтобы онѣ могли соотвѣтствовать различнаго рода степенямъ вины. Поэтому всякая мѣра наказанія, не допускающая индивидуализаціи, отвергается и с) въ виду возможности ошибки должны быть примѣняемы такія только наказанія, при которыхъ не исключалась бы возможность вознаградить за напрасно причиняемое зло.

2) Относительно цѣли наказанія должны быть избираемы такія мѣры, которыя по своей строгости служили бы устрашеніемъ и въ то-же время, по роду исполненія, вели бы къ исправленію преступника. Многія мѣры наказанія, которыя прежде усердно примѣнялись, въ настоящее время совершенно не употребляются въ европейскихъ государствахъ, такъ какъ несоотвѣтствіе ихъ цѣлямъ наказаній и нравственному воззрѣнію послѣдняго времени вполне признано. Вслѣдствіе этого устранены всѣ членовредительныя наказанія, всякая квалифікація смертной казни, а равно и всѣ тѣ наказанія, которыя существенно заключаются въ посрамленіи преступника (ѣзда на ослѣ, привязываніе къ позорному столбу). Въ настоящее время подлежатъ разсмотрѣнію только I *смертная казнь*, II *лишеніе свободы*, III *имущественное наказаніе*, IV *обезчещающее наказаніе* и наконецъ V *наказаніе розгами*.

§ 1. **Смертная казнь.** Споръ объ удержаніи или отбѣнѣ смертной казни оживленно ведется со времени появленія знаменитаго сочиненія Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ». Въ прежнее время смертная казнь назначалась за всякое сколько нибудь значительное преступленіе и приводилась въ исполненіе, нерѣдко утончаемая различными варварскими пытками, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. На ряду съ наказаніемъ висѣлицей и мечемъ появлялось колесованіе, четвертованіе, сжиганіе на кострѣ, сажаніе на колъ,

утопленіе, закапываніе живымъ и пр. Въ настоящее время смертная казнь существуетъ только въ особенныхъ случаяхъ, именно за предумышленное убійство человѣка и за тяжкое обвиненіе въ государственной измѣнѣ (иногда она является и за неосторожныя убійства, совпадающія съ другими тяжкими преступленіями).

Смертная казнь приводится въ исполненіе обыкновенно или мечемъ или гильотиной (иногда же, напр. въ Австріи, и висѣльницей). Въ теоріи споръ еще болѣе ограниченъ, такъ какъ защитники смертной казни считаютъ ее еще необходимой какъ наказаніе за убійство, т. е. за обдуманно умышленное убійство человѣка. Въ нѣкоторыхъ государствахъ смертная казнь совершенно отмѣнена, какъ напр. въ Ольденбургѣ, Ангальтѣ и недавно въ саксонскомъ королевствѣ. (Она была также отмѣнена и въ Нассау, но опять введена съ обнародованіемъ прусскаго уложенія о наказаніяхъ). Остается только пожелать, чтобы примѣръ этихъ государствъ нашелъ подражаніе, такъ какъ смертная казнь не соответствуетъ тѣмъ требованіямъ, которымъ должна непременно удовлетворить каждая мѣра наказанія. Она является, такъ сказать, абсолютнымъ наказаніемъ, недопускающимъ ни дѣленія, ни увеличенія и уменьшенія. Эта неточность дѣлаетъ ее неспособною быть справедливымъ воздаяніемъ, такъ какъ нѣтъ такого рода преступленія, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заключало бы въ себѣ одинаковую степень вины и зла. Даже убійство не есть такого рода преступленіе; ни одно убійство не можетъ быть равно другому по обстоятельствамъ, вліяющимъ на наказуемость. Какая разница между убійствомъ изъ корысти и убійствомъ изъ фанатизма или изъ мести! Какъ различно долженъ быть осуждаемъ образованный и необразованный, юный и зрѣлый преступникъ! И гдѣ, наконецъ, можно провести вѣрно границу между осуждаемымъ къ смертной казни преступникомъ и убійцей? Между этими двумя преступленіями нѣтъ большой пропасти, а между тѣмъ въ ихъ наказаніи таковая должна быть. Независимо отъ этаго уже одно уравниваніе, лежащее въ «жизнь за жизнь» само по себѣ невѣрно; вѣдь оцѣнка жизни чрезвычайно различна. Если смотрѣть на внѣшнюю одинаковость обращенія, то нужно согласиться, что при смертной казни она никогда не существуетъ. Вѣдь здѣсь извѣщеніе преступника о приговорѣ предшествуетъ исполненію его даже за цѣлые мѣсяцы и кто можетъ знать

какое мученіе составляет для преступника это томительное ожиданіе часа казни? Нельзя не согласиться, что въ такомъ положеніи преступникъ рѣдко держитъ свою жертву. Если же говорить о внутренней силѣ зла, которое приносится смертною казнью, то здѣсь тоже является темная неразрѣшимая загадка, ибо кто знаетъ, что находится по ту сторону воротъ, открывающихся для преступника? Люди должны остерегаться приговора, о значеніи котораго они сами не могутъ дать себѣ отчета.

Наконецъ противъ смертной казни служить возраженіемъ то обстоятельство, что она лишаетъ возможности исправить могущую произойти ошибку. До извѣстной степени это имѣетъ мѣсто при всякомъ наказаніи, но ни при одномъ нельзя съ увѣренностью утверждать, что послѣ не будетъ возможности исправить ошибку, если невинный будетъ наказанъ. Смертная казнь, по существу своему, отнимаетъ всякую возможность вознагражденія за могущую произойти ошибку. Возможность же ошибки не можетъ быть устранена никакими мѣрами предосторожности. Ясно, что наказаніе, безъ возможности его отмѣны, въ особенности для невиннаго, представляетъ собою до такой степени что-то непріятное и страшное, что богиня правосудія невольно отвращивается отъ этаго. Оно совершенно противорѣчитъ принципу наказанія. Если обратиться къ вопросу, насколько смертная казнь достигаетъ главныхъ цѣлей наказанія, то и здѣсь результаты будутъ не болѣе утѣшительны. Впрочемъ, это видно уже изъ того, что смертная казнь въ принципѣ совершенно отвергается. Что смертная казнь не можетъ служить къ основательному исправленію — это очевидно и всякій знаетъ, какое значеніе имѣетъ такъ называемое исправленіе на эшафотѣ. Съ этой именно точки зрѣнія христіанская церковь еще въ древнее время была противъ смертной казни; этаго же взгляда придерживаются и теперь просвѣщенные католики въ Бельгіи и послѣдователи теоріи исправленія. Съ перваго взгляда можетъ показаться сомнительнымъ отвѣтъ на вопросъ: имѣетъ ли смертная казнь устрашающее вліяніе? По крайней мѣрѣ, въ эту устрашающую силу вѣрятъ тѣ личности, которыя до сихъ поръ еще удерживаютъ смертную казнь въ большей части государствъ. Но доказательства, приводимыя въ этомъ отношеніи опытомъ, весьма шатки. Напротивъ, опытъ показываетъ, что съ отмѣной смертной казни количество преступленій, угрожавшихъ

этимъ наказаніемъ, не увеличивается. Опытъ показываетъ, что преступники, зная объ угрожающемъ наказаніи до совершенія дѣянія, надѣются избѣгнуть его умными мѣрами предосторожности и что они никогда не совершаютъ преступленія, если-бы были увѣрены, что они будутъ наказаны, такъ какъ при этомъ условіи для нихъ не предвидится возможности воспользоваться плодами преступленія. Поэтому угрожающая сила наказанія лежитъ не столько въ степени угрозы, сколько въ степени увѣренности, съ которою можно ожидать наказанія. Слѣдовательно нужно позаботиться о томъ, чтобы при хорошей организаціи уголовной полиціи, уничтожалась вѣроятность неоткрытія или ненаказуемости преступниковъ. Такъ какъ смертная казнь совершенно не отмѣняется, то нужно по крайней мѣрѣ напирать на то, чтобы 1) смертная яазнь угрожала только за оконченное убійство и кромѣ того за покушеніе на умышленное убійство главы монархическаго государства; 2) для приговора къ смертной казни должно быть единогласіе присяжныхъ засѣдателей; 3) чтобы смертная казнь угрожала не абсолютно, а альтернативно на ряду съ лишеніемъ свободы; 4) чтобы она приводилась въ исполненіе не непосредственно человѣческими руками, а какъ можно вѣрнѣйшимъ и не мучительнымъ образомъ. Этому соответствуетъ почти всюду введенная гильотина; 5) чтобы смертная казнь производилась не публично, (оно ясно доказано какъ мало устрашающей силы имѣть въ себѣ смертная казнь), а внутри замкнутаго двора при маломъ количествѣ необходимыхъ свидѣтелей (что, впрочемъ, въ послѣднее время всюду введено).

§ 2. Лишеніе свободы. Это наказаніе распадается на много отдѣльныхъ видовъ. Сюда относятся: 1) *ссылка*, 2) *ограниченіе мѣста жительства*, 3) *заключеніе въ тюрьму*.

1) Что касается *ссылки*, то она можетъ заключаться или въ простой высылкѣ изъ одного мѣста или округа внутри государства или въ высылкѣ изъ государства, въ изгнаніи. Первая имѣетъ мѣсто, какъ полицейская мѣра на ряду съ другимъ наказаніемъ; сама по себѣ она не ведетъ къ достаточному наказанію за преступленіе. Напротивъ, высылка за границу въ настоящее время запрещается международнымъ правомъ, какъ только она касается туземца. Какъ наказаніе само по себѣ она не важна для иностранцевъ, но напротивъ весьма употребительна, какъ дополнительное

наказаніе за важныя преступленія иностранцевъ; она исполняется по окончанія срока тюремнаго заключенія.

2) *Die Verstrifung*, т. е. запрещеніе оставлять извѣстное мѣсто или округъ, связанное съ опредѣленнымъ надзоромъ. Оно также имѣетъ характеръ полицейской мѣры.

3) Высылка и ссылка изъ опредѣленнаго мѣста исполнима вообще только при особенныхъ условіяхъ. Она можетъ получить нравственное значеніе, если, употребляя преступниковъ какъ орудіе культуры, обрабатываютъ ими пустынные, незаселенныя страны. Но она не прочна, если въ мѣстѣ ссылки, на ряду съ поселеніемъ преступниковъ, распространяется сколько нибудь многочисленное туземное населеніе. Болѣе затруднительно при ссылкѣ изгладить характеръ наказанія или, съ другой стороны, измѣнить его въ чрезмѣрно строгій. Нерѣдко ссылка въ мѣста съ дурнымъ климатомъ употребляется какъ средство медленно дѣйствующей смертной казни, такъ напр. ссылка французскимъ правительствомъ въ Каэнну.

4) Какъ мѣра наказанія, въ настоящее время употребляется въ большей части случаевъ *тюремное заключеніе*. Легко усмотрѣть, что это наказаніе, болѣе нежели какое либо другое, обладаетъ тѣми качествами, которыя мы требуемъ отъ годной мѣры наказанія. Прежде всего оно обладаетъ почти неограниченной *длительностью*, предъ которой только человѣческая жизнь представляетъ неизбѣжную границу; кромѣ того и *расширяемостью*, такъ какъ является возможность обращаться съ заключенными съ большей или меньшей строгостью и снисходительностью. Вслѣдствіе этого допускается каждому отдѣльному случаю соотвѣтствующая мѣра наказанія. Наконецъ, въ случаѣ неправильнаго осужденія является по крайней мѣрѣ надежда, что тюремное заключеніе не исключаетъ возможности исправленія ошибки. Не менѣе вниманія заслуживаетъ тюремное заключеніе, какъ наказаніе, осуществляющее главную свою цѣль. Далѣе можно допустить такого рода устройство мѣстъ заключенія, которое, давая чувствовать всю тяжесть наказанія, въ тоже время дѣйствуетъ устрашительно. Съ другой стороны, въ болѣе дѣлающемся заключеніи является случай привести къ внутреннему перевороту понятія тѣхъ преступниковъ, которые нуждаются и способны къ исправленію. Для того чтобы эти цѣли могли быть дѣйствительно достигнуты, необходимо, чтобы тюремный вопросъ, при помощи

добытыхъ богатыхъ опытовъ, былъ систематически разработанъ на твердыхъ основаніяхъ.

Въ прежнее время не могло быть и рѣчи о системѣ тюремнаго заключенія. Старались только о томъ, чтобы съ одной стороны держать преступника въ вѣрномъ мѣстѣ, а съ другой, если его изъ особыхъ основаній не держали уединенно въ секретной темницѣ, чтобы его рабочая сила какъ можно болѣе была полезна. При этомъ обращеніе съ наказуемымъ доведено до того, чтобъ совершенно убить въ немъ малѣйшую искру хорошихъ побужденій. Обыкновенно преступниковъ содерживали вмѣстѣ, такъ что доходило до того, что тюремные дома, говоря безъ преувеличенія, были высшими учебными заведеніями порока и родинкомъ заговоровъ на новыя преступленія.

Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія все болѣе и болѣе распространяются убѣжденія въ безправственности такого порядка заключенія и эти обстоятельства привели къ болѣе рациональному устройству мѣстъ заключенія и прежде всего въ сѣверной Америкѣ. Тамъ образовались одновременно двѣ системы заключенія: *Обориская* или система молчанія (*Schweigsystem*) и келейная (пенсильванская). Первая, распространившаяся также въ Бельгіи и во Франціи, имѣетъ въ виду уединеніе преступниковъ въ ночное время, что уже во всякомъ случаѣ составляетъ прогрессъ. Днемъ преступники работаютъ вмѣстѣ, но всякіе жесты и слова строго запрещены. Это запрещеніе такъ противоестественно, что оно не можетъ быть соблюдаемо, не смотря ни на какія строгости; кромѣ того, оно порождаетъ въ умахъ преступниковъ лицемеріе, упрямство и ожесточеніе. Статистика рецидивовъ доказываетъ, что это запрещеніе имѣетъ такое же улучшающее вліяніе, какъ прежнее совместное заключеніе. Пенсильванская система преувеличиваетъ сама по себѣ вѣрный взглядъ, что преступника не слѣдуетъ содержать въ вредномъ сообществѣ другихъ преступниковъ. Такимъ образомъ его запираютъ въ келью и оставляютъ безъ всякой работы и сообщенія для того, чтобъ въ его мысляхъ возбудить переворотъ къ лучшему. Результатомъ является отупѣніе, отчаяніе и совершенная неспособность помочь себѣ послѣ освобожденія.

Мало по малу въ Европѣ дошли къ рациональному преобразованію системы одиночнаго заключенія. Эта система основана на

принципъ отдѣленія преступника отъ другихъ ему подобныхъ, не исключая для него въ то-же время облагораживающаго и благотѣтельнаго сношенія съ служащими при тюрьмѣ и съ членами тюремнаго комитета и допуская его къ работѣ, развивающей умственныя и нравственныя силы. Такимъ образомъ, наказуемый охраняется отъ вліянія себѣ равныхъ и ограждается отъ тюремныхъ знакомствъ, которыя, тотчасъ же по его освобожденіи изъ тюрьмы, могутъ вести его къ пути пороковъ, а вслѣдствіе сношеній съ благородными людьми, а равно и отъ приспособленія къ работѣ, которая уже въ темницѣ оказываетъ на него нравственное вліяніе, онъ становится на столько полезнымъ членомъ гражданскаго общества, что въ состояніи помочь себѣ собственною дѣятельностью и противоустоять покушеніямъ къ рецидиву. Весьма естественно, не слѣдуетъ предполагать, что подобныхъ результатовъ можно достигнуть у всякаго преступника, но тѣмъ не менѣе одиночная система заключенія ведетъ къ тому, что преступники, содержащаясь въ тюрьмѣ, выходятъ оттуда не хуже и испорченнѣе, чѣмъ это было прежде. Это обстоятельство служило прежде упрекомъ государству въ томъ, что оно имѣло развращающее вліяніе на тѣхъ, участь которыхъ была въ его рукахъ. Нельзя также отрицать, что одиночное заключеніе для всякаго годно, такъ напримѣръ, для лицъ, склонныхъ къ душевнымъ болѣзнямъ, особенно же для малолѣтнихъ преступниковъ. Для послѣднихъ лучшимъ способомъ исправленія и воспитанія является семейное сожителство и занятіе земледѣльческими работами. Такого рода организованныя учрежденія хорошо привились въ Нидерландахъ и во Франціи.

Кромѣ вышеозначенныхъ системъ есть еще такъ называемая система *жсневская*, которая раздѣляетъ преступниковъ на классы по степени ихъ испорченности и при хорошемъ поведеніи ведетъ къ переходу изъ одного класса въ другой. Такъ какъ подобная классификація никогда не удастся, то это система заслуживаетъ столько же вниманія, какъ и старая система общаго заключенія. Болѣе вниманія достойна такъ называемая система *ирландская*, которая основана на томъ, чтобы приучить преступника къ свободѣ и самостоятельности; въ началѣ наказаніемъ является одиночное заключеніе, которое продолжается такъ долго, на сколько собственно необходимо къ внутреннему самоуглубленію преступника и озна-

комленію съ его особенностями; затѣмъ наказуемый долженъ быть въ сообществѣ съ другими наказуемыми для того, чтобы въ сношеніяхъ съ ними, вслѣдствіе постепенно увеличивающейся свободы, приготовляться къ вступленію въ полную свободу. Во всякомъ случаѣ является вопросъ, есть ли дѣйствительно сообщничество преступниковъ переходный пунктъ между одиночнымъ заключеніемъ и жизнью въ гражданскомъ обществѣ и не уничтожаютъ ли эти сношенія преступниковъ тѣ хорошія начала, которыя положены были одиночнымъ заключеніемъ; вопросъ этотъ еще спорный и здѣсь не можетъ быть разрѣшенъ.

Въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ отдѣльных нѣмецкихъ государствахъ думали ввести такъ называемое условное освобожденіе наказуемаго, которое впервые было примѣнено въ Англіи, хотя весьма не систематически. Система эта главнымъ образомъ заключается въ томъ, что преступникъ, который долгое время велъ себя въ тюрьмѣ безукоризненно, освобождается изъ нея подъ условіемъ безупречнаго поведенія въ остальное, оставшееся до конца заключенія, время и такимъ образомъ является свободнымъ, но какъ бы подъ строгимъ надзоромъ. Если онъ нарушаетъ условіе какимъ нибудь дурнымъ поступкомъ, то его возвращаютъ обратно. Это учрежденіе дѣйствуетъ весьма благотѣльно на исправленіе преступниковъ и нисколько не противорѣчитъ принципамъ наказанія. Такъ какъ судья во время приговора не въ состояніи вѣрно опредѣлить мѣру вины, то посему допускается послѣдующее исправленіе приговора, которое находитъ себѣ основаніе въ обратномъ выводѣ о большей или меньшей преступности, который можетъ быть сдѣланъ, смотря по дальнѣйшему поведенію преступника. Тюремное заключеніе по нашимъ Уложеніямъ обыкновенно раздѣляется на многіе виды; чаще всего встрѣчается тройкое дѣленіе, на 1) смирительный домъ, 2) рабочій домъ и 3) тюрьму (или смирительный домъ, тюрьма и арестъ, какъ въ Пруссіи); иногда тюремное заключеніе дѣлятъ на четыре рода: заключеніе въ цѣпяхъ (которымъ положительно слѣдуетъ пренебречь), смирительный домъ, рабочій домъ, тюрьма. Въ Австріи встрѣчаемъ дѣленіе на 5 родовъ: тяжелое и легкое тюремное заключеніе, строгій и простой арестъ и домашній арестъ. Затѣмъ, смотря по состоянію, степени образованія или по другимъ, личнымъ, болѣе или менѣе достойнымъ вниманія, отношеніямъ,

является заключеніе въ крѣпости, какъ привиллегія, впрочемъ неоправдываемая. Внутренняго основанія для подобныхъ подраздѣленій тюремнаго заключенія нѣтъ; одно лишь различіе между обезчещивающими и необезчещивающими наказаніями (тюрьма и смиренный домъ) можетъ быть оправдываемо; подобное дѣленіе признается любекскимъ Уложеніемъ и бременскими кодексами. Болѣе подробно этотъ вопросъ будетъ рассмотрѣнъ ниже при обзорѣнъ обезчещивающихъ наказаній.

Лишеніе имущества. Въ настоящее время это наказаніе отошло на задній планъ, между тѣмъ какъ въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ оно составляло средоточеніе системъ наказанія. Лишеніе имущества (конфискація), которое прежде связывалось съ строжайшими наказаніями, въ настоящее время исчезло изъ Уложеній; причина та, что дѣйствія этого наказанія болѣе постигаютъ невинныхъ наслѣдниковъ, нежели самаго преступника и что въ этомъ наказаніи нѣтъ главной цѣли — исправительной. Совершенно не то бываетъ въ такъ называемой *спеціальной конфискаціи*, т. е. въ наказаніи отнятія отдѣльных опредѣленныхъ вещей. Она отчасти примѣняется какъ мѣра полицейская, для устраненія вредныхъ послѣдствій, какъ напримѣръ: конфискація вредныхъ для здоровья товаровъ, фальшивыхъ монетъ и т. д. или она является подходящимъ видомъ денежнаго штрафа при извѣстныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ изъ корыстолюбія, такъ напримѣръ, если приказывается чтобы подкупленный чиновникъ возвратилъ полученный подарокъ или его стоимость. Какъ самостоятельный видъ этого рода наказанія (лишеніе имущества) можетъ быть разсматриваемо и запрещеніе исполненія извѣстнаго рода занятій, ремесла и т. д., которое должно быть оцѣнено съ полицейской точки зрѣнія (напр., если архитекторъ, вслѣдствіе дурнаго веденія постройки, лишается права своей спеціальности). Что касается собственно денежныхъ штрафовъ, то они обладаютъ большою дѣлкостью и, равно какъ наказанія лишенія свободы, даютъ возможность исправленія ошибки. Однако это наказаніе весьма рѣдко примѣняется, такъ какъ большая часть преступниковъ не обладаетъ имуществомъ. Далѣе, оно весьма мало ручается за достиженія цѣлей наказанія какъ исправленія, такъ и обезопасенія. Вліяніе этого наказанія въ отношеніи къ обстоятельствамъ преступника весьма трудно опредѣлитель, такъ что едва возможно

установить правильное уравненіе. Поэтому какъ въ древнее, такъ и въ новое время предлагали назначать денежное взысканіе по опредѣленнымъ долямъ имущества. Но это повело бы къ несправедливостямъ въ высшей степени, такъ какъ имущество имѣетъ неодинаковое значеніе, напримѣръ, для ремесленника и для богатаго капиталиста. Оно также предполагаетъ точное изысканіе средствъ подсудимаго, что, конечно, весьма часто вредитъ преступнику, такъ какъ при этомъ необходимо входить въ разсмотрѣніе его частныхъ обстоятельствъ. Денежное взысканіе въ большомъ количествѣ напоминаетъ собою конфискацію, поражающую болѣе невинныхъ родственниковъ, нежели самого преступника. Поэтому денежные взысканія тогда только являются исключительно угрожающими наказаніями, если данные проступки чрезвычайно незначительны и не требуютъ исправительныхъ мѣръ относительно преступника. Кромѣ того они могутъ угрожать, въ связи съ наказаніемъ лишенія свободы (какъ это мы видимъ въ прусскомъ Уложеніи), за такія преступленія, которыя совершаются изъ корыстолюбія и сами преступники перѣдко обладаютъ значительнымъ состояніемъ (такъ за обманъ и пр.)

§ 4. Лишеніе чести. Это наказаніе рассматривается въ нашихъ Уложеніяхъ весьма недостаточнымъ образомъ, хотя относительно старыхъ Уложеній новѣйшія пошли гораздо дальше (этого только нельзя сказать объ австрійскомъ Уложеніи 1852 г., которое стоитъ даже ниже таковаго же 1803 г.). Если въ этомъ вопросѣ желаютъ придти къ рѣшительному результату, то нужно прежде всего уяснить себѣ понятіе о наказаніи лишенія чести. По нашему теперешнему взгляду государство можетъ посягать на честь своихъ гражданъ въ весьма только ограниченномъ и посредственномъ видѣ. Въ то время какъ въ Римѣ честь принадлежала не человѣку, но гражданину, а поэтому государство имѣло право посягать на эту честь, составлявшую одну изъ принадлежностей свободного гражданства, у насъ понятіе о чести связывается съ человѣческимъ достоинствомъ и его признаніемъ въ общественномъ мнѣніи. На это общественное мнѣніе государство не можетъ имѣть непосредственнаго и неограниченнаго посягательства; на этомъ основаніи оно не можетъ произнести приговора о потерѣ или удержаніи чести, не можетъ, слѣдовательно, признать кого либо обладающимъ или не обладающимъ честью. Но тѣмъ не менѣе государство можетъ посредственно вліять въ обще-

ственномъ мнѣніи на достоинства и характеръ человѣка тѣмъ именно, что оно считаетъ лицо, совершившее безчестное, низкое, подлое преступленіе, недостойнымъ пользоваться тѣми правами, обладаніе которыми, по общественному взгляду, есть нѣчто лестное, почетное, слѣдовательно другими словами, государство можетъ лишить такъ называемыхъ *правъ почетныхъ*. Но подобный приговоръ можетъ только имѣть мѣсто, если совершенное преступленіе дѣйствительно вытекаетъ изъ безчестнаго намѣренія. Лишеніе почетныхъ правъ не слѣдуетъ безусловно связывать съ приговоромъ къ извѣстному роду лишенія свободы, напр. съ тюремнымъ заключеніемъ, если оно назначается не исключительно за одни лишь безчестныя преступленія (впрочемъ въ нашихъ Уложеніяхъ мы этаго не встрѣчаемъ). Нѣтъ сомнѣнія, что не наказаніе обезчещиваетъ, но преступное дѣйствіе. Конечно, для упрощенія системъ наказанія слѣдуетъ установить, чтобы строжайшій родъ лишенія свободы имѣлъ мѣсто только за обезчещивающія преступленія, такъ что вмѣстѣ съ приговоромъ само собою связывалась бы и потеря почетныхъ правъ въ размѣрахъ, закономъ опредѣленныхъ. Но такъ какъ легко можетъ случиться, что въ основаніи нѣкоторыхъ преступленій, произтекающихъ изъ безчестнаго намѣренія (напр. обманъ, воровство), лежитъ не безчестный мотивъ и наоборотъ, то посему судья должна быть предоставлена власть различать въ подобныхъ случаяхъ исключительно «не обезчещивающее» и относительно «обезчещивающее наказаніе». Эта власть, по своимъ тяжелымъ послѣдствіямъ, лучше всего примѣнима къ такого рода преступленіямъ, относительно которыхъ въ Законахъ существуютъ спеціальныя постановленія. Что касается сущности наказаній лишенія чести, то онѣ могутъ заключаться только въ отнятіи публичныхъ правъ, такъ напримѣръ, правъ службы, правъ выбора, права быть присяжнымъ, имѣть титулъ, носить знаки отличія, ордена и пр. Государство признаетъ вообще подобныя права только подъ условіемъ особенныхъ достоинствъ и способностей и потому нѣтъ необходимости давать подобныя права въ равной мѣрѣ всѣмъ. Напротивъ, частныя права сюда не относятся. Лицу, имѣющему на нихъ право, они не дѣлаютъ особенной чести и кромѣ того потеря ихъ съ одной стороны противорѣчитъ цѣли исправленія, съ другой — вредитъ болѣе лицамъ, не причастнымъ преступленію. Послѣднее имѣетъ также мѣсто при потерѣ права свидѣтельствовать

на судѣ, которая кромѣ того, несовмѣстна съ предоставленіемъ судѣ оцѣнки показаній. Ученныя степени также не могутъ быть отняты наказаніемъ, такъ какъ онѣ предполагаютъ только извѣстную степень образованія, недостатокъ котораго не можетъ влечь за собою никакого наказанія. Далѣе является вопросъ о *мърѣ* наказанія лишенія чести. И здѣсь мы также обыкновенно находимъ въ Уложеніяхъ пожизненныя лишенія почетныхъ правъ, связанныя съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ. Во всякомъ случаѣ главною причиною всего является невѣрное пониманіе того, что нельзя кого либо считать безчестнымъ на опредѣленный срокъ, въ то время, когда дѣло идетъ объ отнятій извѣстныхъ правъ, которое можетъ считаться временнымъ. Какъ во всѣхъ наказаніяхъ, такъ и въ отношеніи чести требуется, чтобы оно было пропорціонально виновности. Ошибочно также допускать пожизненныя лишенія чести за всѣ преступленія, связанныя съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ, какъ и было бы ложно наказывать всѣ эти преступленія пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Гораздо правильнѣе законное опредѣленіе *maximum'a* времени, до котораго, по окончаніи срока лишенія свободы, можетъ продолжаться лишеніе чести; при этомъ судѣ предоставляется признать меньшій срокъ или даже совершенно уравнить срокъ лишенія чести съ срокомъ лишенія свободы. Нужно, слѣдовательно, выяснить, каково было направленіе обезчещивающаго намѣренія при совершеніи преступленія. Поэтому можно допустить лишеніе специальныхъ почетныхъ правъ, какъ напримѣръ, правъ выбора, если имѣется въ виду проступокъ по отношенію къ этимъ выборамъ; далѣе, права занимать общественную должность въ виду злоупотребленія этими должностями и т. д. Отсюда ясно видно, что наше существующее право требуетъ въ этомъ отношеніи основной реформы. Во всѣхъ Уложеніяхъ мы находимъ въ громаднѣхъ размѣрахъ опредѣленія пожизненнаго лишенія чести, въ то время какъ это можетъ быть допускаемо только въ связи съ пожизненнымъ лишеніемъ свободы. При этомъ является еще вопросъ, можетъ ли существовать пожизненное лишеніе свободы? Къ наказаніямъ лишенія чести, кромѣ потери правъ чести, относятся еще такъ называемыя *унизительныя* наказанія, которыя изрѣдка еще до сихъ поръ встрѣчаются, между тѣмъ какъ наказанія посрамляющія, какъ мы уже прежде сказали, болѣе не примѣняются. Большею частью

эти унижительныя наказанія заключаются въ дѣяніи, которое, относительно подсудимаго, носить на себѣ унижительный характеръ. Таковы: удовлетвореніе за оскорбленіе чести, извиненіе, отреченіе отъ чего нибудь. Эти наказанія являются въ отдѣльныхъ Уложеніяхъ за оскорбленіе чести. Они собственно должны приводиться въ исполненіе осужденными, слѣдовательно зависать отъ его воли и, смотря по роду и виду ихъ исполненія, могутъ превратиться въ противоположность. Наконецъ, безправственно принуждать кого либо къ объясненію, если таковое противорѣчитъ его убѣжденію. Въ большей части нѣмецкихъ Уложеній мы находимъ судейскій выговоръ, который также относится къ числу унижительныхъ наказаній. Относительно этого наказанія вюртембергская коммисія государственныхъ чиновъ справедливо замѣтила: «Значеніе этого наказанія зависитъ отъ рода выполненія и отъ честолюбія лица, противъ котораго оно назначается. Вслѣдствіе этого оно можетъ сдѣлаться чувствительнымъ и слѣдовательно быть годнымъ только какъ наказаніе дисциплинарное».

§ 5. Наказаніе розгами. Это наказаніе удержано до повѣйшаго времени, какъ послѣдній остатокъ прежнихъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и до сихъ поръ оно находитъ сѣбѣ еще защитниковъ, такъ что будучи, на примѣръ, отвергнуто послѣ революціи 1848 г., оно опять введено въ 1855 г. въ образованной Саксоніи. Теперь оно почти всюду уничтожено, кромѣ Саксенъ-Альтенбурга и обоихъ Мекленбурговъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ введеніемъ Уложеній въ сѣверогерманскій союзъ пробьетъ послѣдній часъ этого наказанія. Это наказаніе имѣетъ на преступника развращающее и подавляющее самолюбіе вліяніе и напряженность его зависитъ отъ неподдающихся контролю произвола, силы и расположенія духа палача. Что розги, даже какъ дисциплинарное наказаніе въ тюрьмахъ, не имѣютъ никакого значенія, признано лучшими практиками. Это наказаніе дѣлаетъ преступниковъ упрямыми и такимъ образомъ ухудшаетъ и даже уничтожаетъ всякую дисциплину. Однимъ словомъ, розги годятся только для такого государства, какъ китайское, гдѣ правитель властвуетъ, какъ отецъ надъ малолѣтними дѣтьми. Тамъ, конечно, бамбуковая трость въ ходу и ея примѣненіе опредѣляется съ своего рода замѣчательною точностью.

Изъ всего обозрѣнія мѣръ наказанія мы видимъ, что система наказаній, по теперешнимъ законамъ, весьма сложна. Какъ смертная

казнь, такъ и тѣлесное наказаніе, а равно и подраздѣленія наказаній лишенія свободы, не должно быть допускаемо. Рациональная система наказаній должна быть слѣдовательно:

1) Нормальное наказаніе есть тюремное заключеніе. Оно можетъ быть связано съ лишеніемъ чести или безъ онаго; далѣе можетъ быть заключеніе въ смиренительномъ домѣ или заключеніе въ тюрьмѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Слѣдовательно есть два рода лишенія свободы: заключеніе 1) въ тюрьмѣ и 2) въ смиренительномъ домѣ.

2) За незначительныя или даже значительныя преступленія, совершенныя изъ корыстолюбія, является денежное взысканіе.

3) Лишеніе чести должно быть въ связи съ лишеніемъ свободы, какъ уже сказано выше. Понятно, что важнѣе всего вопросъ объ устройствѣ тюремъ. На этомъ важномъ вопросѣ до такой степени сосредоточивается въ послѣднее время стремленіе лучшихъ теоретиковъ и практиковъ, что разрѣшеніе его предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ. Только рациональное устройство тюремъ можетъ сдѣлать наказаніе тѣмъ, чѣмъ оно должно быть по идеальнымъ требованіямъ.

О примѣненіи уголовныхъ законовъ къ преступленію.

§ 1. Кругъ дѣйствія уголовныхъ законовъ. Вопросъ о кругѣ дѣйствія уголовныхъ законовъ распадается на двоякій, именно: на вопросъ о дѣйствіи во времени и вопросъ о дѣйствіи относительно лицъ, подлежащихъ силѣ этихъ законовъ.

Относительно временной силы нужно вообще замѣтить, что законъ получаетъ свою силу только съ обнародованіемъ его въ установленномъ порядкѣ. Но обыкновенно при обнародованіи, въ особенности весьма важныхъ и объемистыхъ законовъ, опредѣляется извѣстный срокъ, съ котораго начинается сила и дѣйствіе закона. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы лица, которымъ нужно подчиняться этимъ законамъ, усвоили себѣ ихъ знаніе. Чтобъ надлежащимъ образомъ обнародованные законы обязательно должны быть всѣмъ извѣстны, было говорено уже выше. Обыкновенно говорятъ, что менѣе тяжкій законъ имѣетъ обратную силу, т. е. примѣнимъ

къ такого рода преступленіямъ, которыя совершены до его обнародованія одновременно съ существованіемъ закона болѣе строгаго. Основанія къ этому находятъ въ томъ, что государство, обнародуя менѣе строгій законъ, тѣмъ самымъ сознаетъ несправедливость прежняго болѣе тяжкаго наказанія, которое поэтому и не можетъ быть примѣнимо. Хотя въ сущности это вѣрно, но съ другой стороны оно ведетъ къ предположенію, что и болѣе строгій законъ, а слѣдовательно и всякій законъ долженъ имѣть обратную силу. Обнародованіемъ закона государство, по его убѣжденію, исполняетъ обязанность воздаянія равнаго за равное и слѣдовательно если новый законъ строже прежняго, то это значитъ, что прежній, вслѣдствіе своей слабости, былъ несправедливъ. Прежній законъ вовсе не даетъ преступнику права на менѣе тяжкое наказаніе; вѣдь онъ не заключаетъ условія, по которому совершаетъ преступленіе съ тѣмъ, чтобы быть наказаннымъ не строже, какъ по существующему закону. Это тѣмъ болѣе справедливо, что всюду существующій взглядъ не признаетъ обратной силы болѣе строгихъ законовъ.

Дѣйствіе закона прекращается не иначе какъ съ истеченіемъ срока, на который законъ былъ данъ или же съ изданіемъ новаго закона, совершенно отмѣняющаго прежній; путемъ же обычнаго права оно не можетъ быть устранено. Судебная практика, противорѣчащая закону не можетъ быть источникомъ права, такъ какъ она дѣлаетъ судью отвѣтственнымъ болѣе, чѣмъ за нарушеніе закона.

Болѣе спорный вопросъ представляется о силѣ закона относительно подчиняющихся ему лицъ. Что касается исключеній, основанныхъ на государственномъ и международномъ правѣ, — то относительно ихъ существуетъ единогласіе. По этимъ исключеніямъ глава собственнаго государства такъ же мало подчиняется уголовному закону, какъ, съ другой стороны иностранные суверены и ихъ посланники вмѣстѣ съ составомъ посольства (по положительному международному праву даже и ихъ семейства) могутъ быть привлечены къ туземному суду.

Независимо отъ этаго являются два противоположныхъ принципа: *территоріальный* и *личный*. Первый усматриваетъ, какъ нѣчто положительное, мѣсто жительства лица и слѣдовательно объясняетъ, что всякій подчиняется тому закону, который существуетъ. Напротивъ, личный принципъ обращаетъ главное вниманіе на подданство тому

или другому государству. По этому принципу все жители страны подчиняются туземным законам, но такъ какъ и иностранцы рассматриваются какъ такъ называемые временные подданные (*jubditi temporarii*), пользующіеся защитой закона и потому долженствующіе ихъ уважать, то посему туземцы, находящіеся за границей, подчиняются кромѣ того и туземнымъ законамъ. Сюда, конечно, не относятся законы чисто мѣстнаго свойства, именно полицейскія предписанія. Кромѣ того государство вообще ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права наказывать за преступленія, совершенныя иностранцемъ за границей. Но и здѣсь опять таки является исключеніе, именно, если преступленіе, совершенное иностранцемъ за границей, направлено на туземное государство. Въ этомъ случаѣ законы устанавливаютъ наказаніе иностранца; это основывается или на «минимомъ естественномъ уголовномъ правѣ» такъ какъ, если бы чужія государства не вмѣшивались, то наше государство и его подданные были бы лишены защиты, или «на минимомъ взаимномъ обмѣнѣ услугъ», или «на точкѣ зрѣнія исключительной обороны».

Нѣкоторые писатели (и отчасти даже нѣкоторые кодексы, каковы: австрійскій и саксонскій) идутъ дальше и считаютъ наказуемыми въ туземномъ государствѣ преступленія, совершенныя иностранцами за границей (если эти преступленія не мѣстнаго характера), но въ томъ только случаѣ, если иностранное государство само не употребляетъ своей карательной власти. Этотъ взглядъ имѣетъ болѣе глубокое нравственное основаніе предъ господствующимъ. Онъ опирается на мысли, что обязанность всякаго государства карать наказуемыя злодѣянія; эту обязанность оно должно отправлять, не придавая особеннаго, исключительнаго значенія своимъ собственнымъ правамъ и интересамъ; въ исполненіи оной государства должны оказывать другъ другу взаимныя услуги. Такое «міровое судопроизводство» можетъ быть естественно примѣнимо только къ такимъ злодѣяніямъ, которыя наказуемы уже сами по себѣ, а не только по отношенію къ отдѣльному государству и его законамъ и органичиваются только правомъ убѣжища, предоставленнымъ политическимъ преступникамъ. Это право убѣжища должно быть свято соблюдаемо, потому что если-бы стали наказывать, или даже выдавать преступниковъ, провинившихся противъ чужаго правительства или конституціи, то предварительно слѣдовало бы рѣшить слѣдующій

вопросъ: дѣйствительно ли чужое правительство или конституція законы — вопросъ, для рѣшенія котораго туземнымъ судомъ нерѣдко недостаетъ необходимыхъ данныхъ; рѣшеніе это можетъ повести къ несообразностямъ въ смыслъ международнаго права. Выдача явилась бы нерѣдко содѣйствіемъ къ осужденію законнаго и благороднаго стремленія. Право убѣжища предоставляется лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы таковое не было злоупотребляемо для осуществленія новыхъ предпріятій противъ чужаго государства. Въ новѣйшее время между различными государствами весьма справедливо приняли правило, по которому выдача такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ не имѣетъ мѣста. Государства, наказывающія преступленія, совершенныя иностранцами за границей, руководствуются при этомъ законами чужаго государства, если они менѣе строги, нежели туземные. Но, строго говоря, государство можетъ опредѣлить степень наказанія за какое либо дѣяніе только по своимъ собственнымъ законамъ; при этомъ, конечно, слѣдуетъ брать во вниманіе и простительную ошибку иностранца, на родинѣ котораго это дѣяніе вообще считается мало или вовсе не наказуемымъ. На менѣе важныя дѣянія, совершенныя иностранцами за границей, весьма справедливо не обращаютъ вниманія, такъ какъ продолжительная процедура и другія послѣдствія, связанныя съ выдачей, могутъ принести гораздо бѣльшій вредъ, нежели заслуженное за это наказаніе, а съ другой стороны, разбирательство и наказаніе могутъ причинить несоразмѣрную потерю труда и издержекъ.

§ 2. Опредѣленіе степени наказанія и основанія къ его измѣненію.

Разсматривая уголовный законъ, въ отношеніи къ уголовному суду, мы безспорно замѣчаемъ, что судья долженъ быть органомъ закона, т. е. произносить приговоръ на основаніи закона, такъ какъ не въ его правѣ исправлять послѣдній. Но было бы ошибочно постановить, что уголовные законы совершенно исключаютъ всякое мнѣніе судьи. Это бываетъ при такъ называемыхъ абсолютныхъ опредѣленіяхъ наказанія въ законѣ безъ всякаго для судьи простора къ разумному соображенію обстоятельствъ. Таковыми являются въ Уложеніяхъ наказанія пожизненныя и смертная казни. Абсолютно неопредѣленные законы, объясняющіе только, что извѣстное дѣяніе наказуемо, но предоставляющіе родъ и видъ наказанія соображенію

судьи, не защищают от произвола послѣдняго. Поэтому оправдываются только относительно опредѣленные наказанія, которыя въ настоящее время являются почти господствующими. Законодатель ставитъ здѣсь между начертаніемъ *maximum* и *minimum* наказанія рамку, въ предѣлахъ которой судья можетъ назначать наказаніе по разумномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ преступленіе болѣе или менѣе наказуемымъ. Подобная чисто относительная угроза наказанія соотвѣтствуетъ даже самому характеру наказуемыхъ дѣяній. Наказуемость послѣднихъ не равна для всякаго преступленія, относящагося къ тому же роду; только тогда можно придти къ правильной оцѣнкѣ вины, если мы будемъ разсматривать всякій отдѣльный, конкретный случай въ его субъективномъ значеніи. Всякое отдѣльно совершенное преступленіе имѣетъ свое индивидуальное значеніе и потому никогда не можетъ быть разсматриваемо, какъ экземпляръ того же рода и вида. Какъ уже было сказано, при опредѣленіи наказанія, являются основанія, вліяющія на мѣру виновности и потому онѣ должны быть приняты во вниманіе судьей. Эти основанія, по своему дѣйствію, распадаются на 2 рода: 1) на увеличивающія наказаніе и 2) уменьшающія оное. Не рѣдко законы стараются перечислить всѣ эти основанія примѣрно или даже вполнѣ. Что касается полнаго перечисленія, то это не болѣе, какъ неосуществимое намѣреніе, такъ какъ никакая человѣческая мудрость не въ состояніи *argiori* предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, которыя могутъ вліять на наказуемость дѣянія. Напротивъ, приблизительное перечисленіе способно сбить съ толку судью и отвратить его вниманіе отъ справедливой оцѣнки даннаго случая. Кромѣ этаго, основанія къ опредѣленію наказанія противостоятъ всякой общей формулѣ, потому что они заключаются болѣею частью въ такихъ обстоятельствахъ, которыя сопровождаютъ всякое преступленіе въ большей или меньшей степени, — такъ что простое, неопредѣлимое вообще количество преступности рѣшаетъ дѣло въ пользу опредѣленія бѣльшаго или меньшаго наказанія. Былъ ли вредъ болѣе или меньше, является ли нарушеніе большихъ или меньшихъ обязанностей и т. д. подобнаго рода, совершенно относительныя, опредѣленія не могутъ быть предметомъ законныхъ установленій. Всякій благоразумный судья для опредѣленія наказанія пріиметъ во вниманіе напряженность преступной воли, величину причиненнаго зла, равно

опасность дѣянiя, на сколько преступникъ дѣйствовалъ съ сознаниемъ этой опасности; далѣе должно опредѣлить энергiю преступной воли съ множествомъ препятствiй, которыя преступникъ долженъ былъ преодолѣть. Для такого судьи законное установленiе можетъ быть излишнимъ и слишкомъ стѣснительнымъ; для судьи же неблагодарнаго оно является, такъ сказать, козломъ отпущенiя, на котораго онъ можетъ свалить всякое бѣдствiе, причиняемое поверхностнымъ обсужденiемъ преступленiй. Основанiя къ опредѣленiю наказанiй обыкновенно раздѣляютъ на уголовныя и политическiя. Первыя основываются на большей или меньшей виновности преступника; напротивъ, послѣднiя касаются не виновности, а полезности, такъ напримѣръ, политическое основанiе къ уменьшенiю наказанiя будетъ тогда, если потерпѣвшiй отъ преступленiя получить вознагражденiе за убытки, даже и безъ содѣйствiя преступника, или если преступникъ откроетъ начальству скрывавшихся до сихъ поръ другихъ преступниковъ и т. д. Излишне доказывать, что обстоятельства, съ преступленiемъ ничего общаго не имѣющiя, не должны влiять на наказуемость. Точно также мало относится къ уменьшающимъ наказанiе обстоятельствамъ слѣдственное заточенiе, такъ какъ оно не имѣетъ никакого влiянiя на напряженность преступной воли и величину причиненнаго зла. Но тѣмъ не менѣе, это заточенiе должно быть засчитано преступнику при опредѣленiи наказанiя. Дѣленiе основанiй къ опредѣленiю наказанiй на субъективныя и объективныя хотя и имѣетъ свои хорошiя стороны, но тѣмъ не менѣе оно легко можетъ вести къ недоразумѣнiямъ. Субъективныя основанiя относятся непосредственно къ преступной волѣ, сюда относятся напримѣръ: большая или меньшая зрѣлость обсужденiя, душевныя безпокойства, хорошее или дурное образованiе, обольщенiе другими и т. д. Объективныя относятся къ величинѣ причиненнаго зла, причемъ однако очень часто упускается изъ виду, что эта величина берется во вниманiе, если она проистекаетъ отъ умысла или неосторожности дѣателя. Отъ основанiй къ опредѣленiю наказанiй нужно отличать основанiя къ измѣненiю его, которыя усиливаютъ или смягчаютъ наказанiе, т. е. обстоятельства, при которыхъ имѣетъ мѣсто назначенiе наказанiя выше или ниже опредѣленной мѣры. Всѣ согласны съ тѣмъ, что основанiя къ усиленiю наказанiя должны быть ясно опредѣлены закономъ, такъ какъ усиленiе не должно быть предо-

ставлено усмотрѣнію судьи, что могло бы вести къ произволу и несоблюденію основнаго правила: *nulla poena sine lege poenali*. Подобнымъ основаніемъ къ усиленію обыкновенно является *повтореніе* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. совершеніе преступленія лицомъ, уже разъ наказаннымъ за подобное; сюда же относится и совокупность преступленій, но объ этомъ рѣчь впереди. Относительно смягченія наказанія являются два взгляда: первый полагаетъ достаточнымъ, если законодательство предоставляетъ судѣ право смягченія, не связывая его съ какимъ бы то ни было объясненіемъ этихъ основаній, которое кромѣ того и не возможно, такъ какъ дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, которыя не могутъ быть предвидѣны закономъ. Несомнѣнно однако, что подобное дѣйствіе ставитъ судью выше закона и даетъ ему право помилованія. При этомъ нельзя допустить, чтобы законодатель не предвидѣлъ случаевъ, относительно которыхъ онъ предоставляетъ полное право судѣ. Развѣ нельзя предвидѣть, чтобы кто либо совершилъ преступленіе въ состояніи незначительной вмѣняемости или въ возрастѣ, близко подходящемъ къ дѣтскому и т. д.? И такъ, на сколько оно предвидимо, законодательство должно это по возможности опредѣлить, а дѣйствительно непредвидимыя основанія къ смягченію должны быть предоставлены не судѣ, а помилователю.

Такъ какъ эти основанія къ смягченію преимущественно заключаются въ извѣстныхъ душевныхъ состояніяхъ, которыя, проявляясь въ высшей степени, совершенно исключаютъ вмѣняемость, то понятно, что судѣ должно быть предоставлено право пониженія наказанія до *minimum'a*. Обстоятельства, берущіяся здѣсь во вниманіе, слѣдующія: 1) юношескій возрастъ, между дѣтствомъ и совершеннолѣтіемъ въ прежде указанномъ смыслѣ; 2) состояніе, близко подходящее къ невмѣняемости, напримѣръ: аффекты, могущіе дойти до совершенной безсознательности, состояніе необходимой обороны, полное опьяненіе, сонливость, слабоуміе и т. д.; 3) почти истекшая давность.

Если судѣ дозволяется принимать во вниманіе эти обстоятельства и дается ему на то право, то, если онъ находитъ, что дѣяніе происходитъ не изъ обезчелсчивающаго намѣренія, онъ можетъ приговорить къ необезчелсчивающему наказанію. Такимъ образомъ, разумному усмотрѣнію судьи предоставлено совершенно достаточное

поле дѣйствія, не прибѣгая къ высшей степени сомнительной системѣ усмотрѣнія судьей смягчающихъ обстоятельствъ.

§ 3. Совокупность преступленій. Особенная трудность представляется при опредѣленіи наказанія въ случаѣ такъ называемой *совокупности преступленій* (*concursum delictorum*). Подъ этимъ подразумѣваютъ совокупность многихъ еще не наказанныхъ преступленій одного и того же дѣятеля; какъ предметъ общаго обсужденія, эту совокупность раздѣляютъ на *einthätige* (единодѣйственную) и *mehrfthätige* (многодѣйственную), смотря потому, нарушитъ ли преступникъ однимъ дѣяніемъ многіе законы или нарушение произошло отъ самостоятельныхъ дѣяній. По другому воззрѣнію различаютъ совокупность однородную (напр. стеченіе многихъ кражъ) и разнородную (напр. кража и обманъ). Если *mehrfthätige* совокупность однородна, то она также называется повтореніемъ или рецидивомъ, если же она разнородна, то называется скопленіемъ преступленій. Нужно впрочемъ остерегаться и не смѣшивать мнимой совокупности съ дѣйствительной. Отпосительно наказанія совокупныхъ преступленій образовались три различныя системы: 1) *система поглощенія* (*roepna major obsordot minorem*), по которой признается высшее изъ многихъ заслуженныхъ наказаній. Этой системы придерживалась въ то время, когда за многія совокупныя преступленія обыкновенно угрожали смертною казною; 2) *система усиленія*, по которой наказаніе за наитяжкое преступленіе усиливается, беря во вниманіе остальные. Эта система не имѣетъ рациональнаго основанія, такъ какъ при ней остальные преступленія остаются ненаказуемыми въ томъ случаѣ, если они даже значительны какъ количественно, такъ и качественно; 3) *система скопленія*, исходящая изъ той вѣрной основной мысли, что всякое преступленіе должно быть наказано (*quot crimina, tot poenae*). Но весьма часто случается, что простое скопленіе въ дѣйствительности невозможно, такъ напримѣръ, если является совокупность многихъ преступленій, угрожаемая смертною казнью или пожизненнымъ заключеніемъ. Оно и тогда юридически невозможно, если послѣдствіемъ является наказаніе, исключенное закономъ изъ ряда наказаній (напримѣръ, квалифицированная смертная казнь) или, если чрезъ скопленіе, отдѣльныя наказанія переходятъ въ наказаніе другого разряда, напримѣръ: временное лишеніе свободы въ пожизненное. Не смотря на это, простымъ

скопленіемъ должно пренебречь и уменьшить найденную сумму наказанія, такъ какъ чрезъ скопленіе наказаніе усиливается несоразмѣрно. Въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ нашихъ уложеніяхъ систему скопленія относительно *mehrfähiger* совокупности, въ то время какъ для *einfähiger* обыкновенно примѣняется система поглощенія, хотя, впрочемъ, нѣтъ особеннаго основанія для подобнаго дѣленія. Какъ уже выше сказано, подъ совокупностью преступленій разумѣются вообще тѣ, которыя составляютъ предметъ общаго обсужденія. Но все таки не ясно, почему этотъ чисто процессуальный взглядъ долженъ служить мѣриломъ. Въ опредѣленіи такъ называемыхъ совокупныхъ наказаній, какъ мы видѣли, является моментомъ чрезмѣрное усиліе таковыхъ, имѣнно вслѣдствіе скопленія нѣсколькихъ наказаній, а посему на практикѣ прежде всего требуется уяснить, подлежитъ ли разсмотрѣнію такой именно случай. Было бы, слѣдовательно, вѣрнѣе говорить не о совокупныхъ преступленіяхъ, а о совокупныхъ наказаніяхъ и опредѣленіе таковыхъ, представляющихъ для всѣхъ случаевъ совпаденіе или непрерывное сдѣяніе нѣсколькихъ наказаній, было бы не бесполезно. Если преступникъ, приговоренный къ четырехлѣтнему заключенію, совершаетъ въ тюрьмѣ преступленіе, то и въ этомъ случаѣ нельзя прибавить наказаніе, постановленное за это преступленіе, къ первому, уже претерпѣваемому наказанію. Большинство писателей высказывается однако противъ такого расширенія понятія о совокупности. Обыкновенно отъ совокупности преступленій отличаютъ такъ называемое *про-должающееся* преступленіе, но ни писатели, ни законы не сходятся въ понятіи о немъ. Въ немъ соединяютъ такіе случаи, въ которыхъ совершаются многія преступныя дѣянія. Каждое изъ этихъ дѣяній само по себѣ уже входитъ въ составъ того же преступленія, но, по своей внутренней и внѣшней связи, считается продолженіемъ одного преступленія. Но подобное понятіе, по моему усмотрѣнію, страдаетъ внутренними противорѣчіями. Если суду, при опредѣленіи совокупнаго наказанія, предоставляется надлежащее поле дѣйствія, то онъ сдѣлаетъ отличіе и такіе случаи совокупности, которые заслуживаютъ меньшаго осужденія, потому что психологическая связь различныхъ преступленій допускаетъ также относительно меньшую наказуемость.

§ 4. **Замѣна одного наказанія другимъ.** Отъ измѣненія наказанія нужно отличать замѣну оного. Первое заключается въ признаніи наказанія болѣе или менѣе строгаго противъ обыкновеннаго; замѣна же заключается въ признаніи наказанія хотя по степени и равнаго законному, но различнаго по роду его. Замѣна наказаній является необходимымъ 1) когда оно фактически невозможно, напримѣръ: когда лицо, не имѣющее имущества, приговаривается къ лишенію оного, 2) когда исполненіе наказанія въ данномъ случаѣ принесетъ зло, котораго законодатель несомнѣнно не имѣлъ въ виду, напр. тѣлесное наказаніе или каторжная работа для весьма слабыхъ и больныхъ лицъ. Въ законахъ мы находимъ указанія, по которымъ лишеніе свободы можетъ быть замѣнено другимъ наказаніемъ и о замѣнѣ неисполнимыхъ денежныхъ взысканій лишеніемъ свободы. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ, выработанный въ послѣднее время, о разрѣшеніи прежде всего отработать постановленное денежное взысканіе и затѣмъ уже, за невозможностью, является лишеніе свободы. Подобное постановленіе укрѣпляетъ чувство чести и способствуетъ къ уменьшенію разстоянія между бѣдными и богатыми. Если въ Уложеніи не предписывается способа замѣны законнаго наказанія, то судья не можетъ лично постановить такой замѣны, такъ какъ этимъ нарушалось бы основное начало, «пѣтъ наказанія безъ закона» и оставалось бы не примѣнять самъ по себѣ невыполнимый законъ.

§ 5. **Основанія къ отмѣнѣ наказанія.** Ученіе объ общей части уголовного права заключается статьею о разсмотрѣніи основаній, исключающихъ примѣненіе наказанія за совершенное дѣяніе (эти основанія не должно смѣшивать съ тѣми, которыя исключаютъ вѣняемость, такъ какъ при нихъ пѣтъ вовсе наказуемаго дѣянія, т. е. пѣтъ преступленія). Эти основанія суть: 1) *смерть преступника*, 2) *давность*, 3) *помилованіе* и 4) при извѣстныхъ преступленіяхъ *прощеніе* обиженнымъ.

1) Само собою разумѣется, что смерть преступника исключаетъ исполненіе наказанія, такъ какъ наказаніе должно постигнуть обвиняемаго, но никакъ не его послѣдниковъ. О наказаніи тѣла преступника, какъ это дѣлалось въ варварскія времена, конечно, также не можетъ быть и рѣчи. Но тѣмъ не менѣе во всѣхъ законодательствахъ, за исключеніемъ австрійскаго, мы находимъ остатокъ нака-

занія, направленнаго на наслѣдниковъ, остатокъ, съ которымъ согласно большинство писателей. Это относится, какъ и въ Римскомъ правѣ, къ денежнымъ наказаніямъ, если только они были признаны въ силѣ при жизни умершаго. Другими словами это значитъ, что наслѣдники отвѣчаютъ за дѣяніе преступника. Но это не оправдывается никакими основаніями, какъ, напримѣръ, утверждаютъ, что признанная денежная пеня есть частный или даже общественный долгъ, лежащій на имуществѣ. Совершенно другое бываетъ при такъ называемой особенной конфискаціи, такъ какъ она, какъ мѣра полицейская и народнаго здравія, исполняется независимо отъ смерти преступника. Далѣе, само собою разумѣется, хотя оно обыкновенно и не ясно высказывается, что постоянная душевная болѣзнь исключаетъ исполненіе наказанія, точно также какъ и смерть преступника. Сомнѣніе можетъ явиться только въ томъ, должно ли зачислить преступнику во время наказанія продолжительность проходящей душевной болѣзни.

2) Что наказаніе преступленія исключается истеченіемъ значительнаго времени, принимается многими лишь какъ положеніе положительнаго права, основанное на произволѣ. Въ дѣйствительности же довольно вѣсскіе доводы говорятъ въ пользу давности преступленія. Прежде всего берется во вниманіе то обстоятельство, что, по истеченіи значительнаго времени, въ человѣкѣ угасаетъ всякое воспоминаніе о преступленіи, а вмѣстѣ съ этимъ и требованіе наказанія, служащее какъ бы нравственнымъ удовольствіемъ пострадавшему. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ переменна, происходящая въ личности преступника, такъ какъ «человѣкъ, по истеченіи продолжительнаго времени своего земнаго бытія, становится другимъ». Вслѣдствіе этаго превращенія является невозможность добросовѣстнаго рѣшенія вопросовъ, относящихся къ субъективному составу преступленія. Даже показанія обвиняемаго о его прежнихъ взглядахъ, стремленіяхъ и наклонностяхъ являются обманчивыми, такъ какъ мы отлично знаемъ, что, возвращаясь къ прежнему времени, мы очень часто не узнаемъ себя сами въ такихъ дѣяніяхъ, которыя когда то являлись выраженіемъ нашихъ внутреннихъ желаній. Слѣдовательно невозможно на основаніи обсужденія личности, какой она намъ является въ данное время, опредѣлить размѣръ вины за совершенное ею когда то преступленіе, а посему должно остаться неразъясненнымъ все то, чего въ данное время разъяснить нельзя. Это правило

тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что слѣдствія, производимыя лишь нѣскольکو лѣтъ по совершеніи преступленія, способны серьезно поколебать вѣру въ могущество судопроизводства и уяснить, что часто, лишь благодаря случаю, судебной власти дѣлается возможнымъ открыть и наказать преступника. Къ этому присоединяется еще извращенность доказательствъ и показаній, могущая повліять на справедливость приговора: все это — обстоятельства, подрывающія довѣріе къ правосудію. Последнее основаніе имѣетъ только значеніе для давности обвиненія, но не для давности приговоромъ назначеннаго наказанія. Но тѣмъ не менѣе оправдывается и послѣдняя, такъ какъ въ пользу ея говорятъ остальные вышеприведенныя основанія; особенно неопредѣлимо значеніе и дѣйствіе наказанія вслѣдствіе происшедшаго превращенія въ преступникѣ. Давность назначеннаго наказанія признается въ большинствѣ новѣйшихъ Уложеній; другіе же признають только давность обвиненія. Теченіе давности должно собственно начинаться съ момента совершенія преступленія, но болѣею частью началомъ признается день, въ который совершено преступленіе, хотя собственно нѣтъ никакого основанія прибѣгать къ подобнымъ фикціямъ въ уголовномъ правѣ. Смотра по тяжести преступленія, опредѣляется различный срокъ для давности. Многія уложенія признають неподлежащими давности преступленія, угрожающія смертною казнью или пожизненнымъ лишеніемъ свободы. Давность наказанія, по существующему взгляду, начинается съ *вступленія въ силу судебного приговора*; но было бы гораздо правильнѣе, если-бы нѣкоторыя Уложенія постановили началомъ объявленіе приговора, такъ какъ истеченіе срока для апелляціи или кассациіи не можетъ имѣть никакого вліянія на теченіе давности. Давность обвиненія прерывается всякимъ дѣйствіемъ суда или уголовной полиціи, направленнымъ противъ личности преступника (дѣйствіе это можетъ явиться актомъ преслѣдованія или слѣдственнымъ актомъ). Если начавшееся слѣдствіе снова останавливается, то съ послѣдняго его дѣйствія давность считается снова. Давность признаннаго наказанія прекращается всякимъ дѣйствіемъ, направленнымъ къ исполненію наказанія; теченіе же давности начинается снова, если прекращается исполненіе. Приведенный нами взглядъ на дѣйствіе прерванной давности есть взглядъ, почти всюду господствующій; но тѣмъ не менѣе является вопросъ: имѣетъ ли этотъ взглядъ раціональное основаніе?

Время, исправляющее и измѣняющее людей, дѣйствуетъ непрерывно, и слѣдовательно, если время, употребленное на слѣдствіе, исполненіе приговора и т. д., нельзя прибавить къ давности, то все таки было бы болѣе согласно съ существомъ дѣла, послѣ перерыва продолжать теченіе давности, какъ бы этаго перерыва вовсе и не было, такъ что во время самаго перерыва давность разсматривалась бы какъ бы въ спокойномъ состояніи. Кромѣ истеченія времени, во многихъ уложеніяхъ мы находимъ еще и другія условія для давности, такъ: чтобы преступникъ въ это время не отлучался за границу, чтобы онъ, по мѣрѣ возможности, вознаградилъ за причиненные убытки и не имѣлъ бы въ рукахъ болѣе выгоды отъ совершеннаго дѣянія; далѣе, чтобы онъ во время давности не совершилъ другаго, новаго преступленія. Только послѣднее условіе имѣетъ нѣкоторое внутреннее основаніе, такъ какъ изъ совершенія новаго преступленія можно заключить, что въ преступникѣ не произошло того внутренняго превращенія, которое мы считали главнымъ основаніемъ для давности. Конечно, при этомъ необходимо еще обратить вниманіе на родъ и видъ совершеннаго преступленія, такъ какъ незначительное дѣяніе не даетъ еще права вывести заключеніе въ только что указанномъ смыслѣ. Лучше всего считать основаніемъ перерыва давности — совершеніе такого же дѣянія, какъ и прежнее.

Изъ соображеній, говорящихъ въ пользу давности, какъ основанія къ отмѣнѣ наказанія, вытекаетъ еще и то требованіе, чтобы почти истекшее время давности считалось основаніемъ къ смягченію наказанія. Если этаго не сдѣлалось, то общественное мнѣніе можетъ придти къ предположенію, что при опредѣленіи срока давности дѣйствуетъ полный произволъ. Дѣйствительно, должно казаться страннымъ, если преступника постигаетъ полное наказаніе за то, что онъ былъ открытъ за нѣсколько дней до истеченія давности, такъ что разница въ нѣсколькихъ дняхъ, даже, быть можетъ, часахъ, обуславливаетъ переходъ отъ законнаго наказанія до полной ненаказуемости. Само собою разумѣется, что нужно обращать вниманіе на давность по принципу и чтобы преступникъ не лишался благодѣяній, истекающихъ изъ этой давности, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о частномъ правѣ дѣателя, но объ обязанностяхъ государства чинить правосудіе.

3) *Право помилованія*, точно также какъ и давность, оспари-

вають, какъ институтъ положительнаго права, основанный на произволѣ; съ одной стороны это происходитъ отъ нерѣдко безосновательнаго и прихотливаго примѣненія этого права, а съ другой — отъ невѣрнаго сопоставленія понятія о правѣ и милости. Весьма часто полагають, что помилованіе при извѣстныхъ условіяхъ является вмѣсто права — вслѣдствіе такъ называемыхъ требованій справедливости, какъ выраженіе гуманизма или для достиженія цѣли какихъ либо государственныхъ интересовъ. Если понимать помилованіе въ такомъ смыслѣ, то, конечно, его нужно отвергнуть, такъ какъ оно такимъ образомъ было бы несогласно съ правосудіемъ. Если оно должно занимать мѣсто въ правовомъ порядкѣ, то нужно доказать, что оно находится въ службѣ правосудія. Понятно, что помилованіе есть право верховной власти, а посему для него нѣтъ правилъ, которыя были бы обязательны для монарха, тѣмъ болѣе, что являющіяся при этомъ обстоятельства не подчиняются общей формулѣ. Но, тѣмъ не менѣе, наука можетъ привести тѣ точки зрѣнія, на основаніи которыхъ выработано право помилованія. Разсматривая ближе всѣ случаи примѣненія этого права, мы видимъ, что они рѣшаются на двѣ группы. Къ первой группѣ относятся тѣ случаи, въ которыхъ уголовный законъ оказывается слишкомъ строгимъ или слишкомъ слабымъ. Вообще, исходя изъ идеальной точки зрѣнія, можно было бы предоставить монарху исправить въ данномъ случаѣ законъ въ соответствующей правильности, слѣдовательно не только объявить ненаказуемость или соответственно меньшее наказаніе за совершенное дѣяніе, но и назначить наказаніе болѣе строгое, нежели по закону, если оно, въ конкретномъ случаѣ, вслѣдствіе слишкомъ большой милости, не соответствуетъ справедливому воздаянію. Но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе возможности человѣческой ошибки, нужно принимать во вниманіе и выраженіе «нѣтъ наказанія безъ закона», такъ какъ въ противномъ случаѣ, вмѣсто судебнаго приговора, явилась бы кабинетная юстиція; по этой причинѣ нельзя признать за монархомъ права усиленія наказанія, хотя оно имѣетъ идеальное отношеніе къ праву помилованія. Слѣдовательно, въ данныхъ случаяхъ задачею помилованія является сохраненіе правосудія относительно конкретно-несправедливаго закона и присужденіе передъ закономъ виновнаго къ тому, что онъ дѣйствительно заслуживаетъ по своей винѣ.

Другую группу составляют тѣ случаи, въ которыхъ помилованіе является вслѣдствіе того, что этаго требуютъ особенныя взгляды на благосостояніе государства. Но эти взгляды могутъ въ дѣйствительности тогда только являться достаточнымъ основаніемъ къ помилованію, если они сами оправдываются съ точки зрѣнія уравнивающего правосудія. Не нужно забывать, что по идеѣ воздаянія требуется только соотвѣтствующее наказаніе, какъ уравниваніе за совершенное зло и что, слѣдовательно, этой идеѣ противорѣчитъ такое наказаніе, которое ведетъ не къ уравниванію, а къ увеличенію зла, къ производству новаго зла. На этомъ то и основывается вышеупомянутая забота объ общемъ благѣ. Слѣдовательно, дѣло должно быть въ такомъ положеніи, что ненаказуемость, во всякомъ случаѣ, наказуемаго преступника, составляла бы гораздо меньшее зло относительно того, которое это наказаніе влекло бы за собой для государства. Гораздо справедливѣе отвергнуть такое наказаніе, исполненіе котораго было бы еще большимъ нарушеніемъ уравнивающего правосудія. Нельзя однако утверждать наоборотъ, что невиновый или менѣе виновный долженъ потому только получить заслуженное имъ наказаніе, что оно ведетъ къ огражденію бѣльшаго зла. Нѣтъ такой необходимости, которая извинила бы наказаніе невиновнаго; это скорѣе значило бы совершить преступленіе, нежели наказаніе. Право помилованія есть право верховной власти. Въ республикахъ оно принадлежитъ верховной корпораціи, стоящей во главѣ государства и поэтому представляетъ здѣсь особыя трудности, такъ какъ при баллотировкѣ, если дѣло идетъ о помилованіи приговореннаго къ смертной казни, незначительное большинство можетъ дать перевѣсъ произволу и случайности.

При обсужденіи монархомъ просьбы о помилованіи не безъ основанія требуется собраніе криминалистовъ, психологовъ и священниковъ; было бы еще лучше, еслибъ здѣсь принимали участіе и врачи. Помилованіе можетъ относиться къ отдѣльному опредѣленному случаю или оно касается многихъ случаевъ или личностей. Помилованіе послѣдняго рода называется *амнистіей* «*abolitio generalis*», перваго же рода помилованіе можетъ быть или *аболиція* (пощада) въ тѣсномъ смыслѣ (прекращеніе процесса) или *собственно помилованіе* (оно, въ свою очередь, бываетъ полнымъ или отчасти, такъ какъ оно состоитъ въ полномъ освобожденіи отъ назначеннаго

наказанія или въ освобожденіи отъ него отчасти). Освобожденіе отчасти можетъ, съ своей стороны, заключаться или въ освобожденіи отъ части наказанія, когда послѣднее уже началось (*restitutio ex capite gratiae*) или въ освобожденіи отъ послѣдствій, связанныхъ съ извѣстнымъ наказаніемъ. Въ понятіе объ амнистіи могутъ войти всѣ эти случаи. При амнистіи имѣетъ особенное значеніе благо-состояніе всего человѣчества. Прекращеніе процесса многими писа-телями справедливо считается несостоятельнымъ, такъ какъ оно почти лишаетъ права привлеченнаго къ слѣдствію доказать свою невинность и признаніе таковой судебнымъ приговоромъ.

Право помилованія требуетъ однако еще другихъ ограниченій. Такъ, право помилованія не должно находить примѣненія при та-кихъ наказаніяхъ по требованію, при конхъ подача иска и оставле-ніе такового предоставляются усмотрѣнію обиженнаго, права коего могли бы быть нарушены ограниченіемъ наказанія или полною отмѣ-ною онаго. Далѣе нельзя оправдывать обычный способъ помилованія при такъ называемыхъ перемѣнахъ наказанія. По моему мнѣнію, раз-личныя наказанія по относительной ихъ строгости не легко поддаются оцѣнкѣ въ виду различной субъективной чувствительности преступни-ковъ. Поэтому, помилованіе черезъ замѣну законнаго наказанія дру-гимъ не должно послѣдовать безъ согласія «помилованнаго», такъ какъ иначе подъ именемъ помилованія легко можетъ явиться уси-леніе. Конечно, согласія этаго не нужно спрашивать при замѣнѣ смертной казни другимъ наказаніемъ, а равно при замѣнѣ обезечи-вающего лишенія свободы необезчещивающимъ. Наконецъ въ госу-дарствахъ, гдѣ существуетъ институтъ отвѣтственности министровъ, помилованіе послѣдними должно быть на столько исключено, на сколько оно несогласно съ этой отвѣтственностью. Помилованный не въ правѣ отказаться отъ помилованія, такъ какъ право помилованія, точно также какъ и давность, истекаетъ изъ обязанности государ-ства чинить правосудіе. Это правило примѣняется даже къ тѣмъ, исходящимъ отъ верховной власти, прекращеніямъ процесса, при которыхъ, въ интересъ государственнаго спокойствія, дѣло идетъ о преданіи забвенію совершенныя правонарушенія.

4) Прощеніе обиженнымъ можетъ быть рассматриваемо какъ обстоятельство, вліяющее на опредѣленіе наказанія, только въ пре-ступленіяхъ, гдѣ болѣе всего выдвигаются частные интересы — это

прощеніе заслуживаетъ большаго вниманія. Такъ называемыя исковыя преступленія, здѣсь разсматриваемыя, распадаются на два отдѣла. Общее у нихъ то, что безъ согласія обиженнаго не можетъ быть совершено наказаніе; но онѣ распадаются 1) на такія, въ которыхъ частные интересы имѣютъ перевѣсъ, напр. оскорбленіе чести, нарушение супружеской вѣрности, простыя кражи, утайки и пр., совершаемыя въ семейномъ кругу и 2) такія, при которыхъ и не приступаютъ къ наказанію безъ заявленія обиженнаго, но въ которыхъ общественный порядокъ и нравственное состояніе общества въ высшей степени заинтересованы въ наказаніи, такъ напр. при похищеніи и изнасилованіи, на сколько онѣ являются наказаніями по требованію. Относительно преступленій перваго рода замѣтимъ, что прощеніе обижаемыхъ даже послѣ принятія жалобы признается основаніемъ къ отмыгѣ наказанія, пока еще не произнесенъ приговоръ; въ случаяхъ же втораго рода нѣтъ основанія отступать отъ общаго правила, потому что частное прощеніе можетъ только служить основаніемъ къ уменьшенію наказанія, какъ только была подана жалоба о наказаніи и слѣдовательно публичность дѣла не была скрыта обиженнымъ. Срокъ, въ которой могла быть подана жалоба, былъ весьма короткій (махімумъ 6 мѣсяцевъ), срокъ же давности идетъ совершенно независимо. Сущности карательнаго правосудія болѣе всего конечно соответствуетъ признаніе недѣлимости иска о наказаніи, оно влечетъ за собою наказаніе всѣхъ соучастниковъ преступленія, даже если бы обвиненный имѣлъ въ виду только наказаніе того или другаго изъ соучастниковъ.

Особенная часть.

Такъ какъ этотъ отдѣлъ занимается особеннымъ составомъ различныхъ видовъ преступленія и ихъ наказанія, то поэтому энциклопедическій обзоръ долженъ ограничиться перечнемъ и оцѣнкой различныхъ опытовъ подраздѣленія преступленій и общей характеристикой видовъ преступленій.

Многія подраздѣленія наказуемыхъ дѣяній были уже разсматриваемы въ общей части и не могутъ служить основаніемъ для системы части особенной. Такъ, дѣленіе на *умышленные* и *неосто-*

роизныя преступленія, на совершенныя и покушаемыя, содѣланіе преступленія и оставленіе его.

Особенное значеніе для ученія о правовой ошибкѣ и для международнаго уголовного права имѣетъ дѣленіе на такія преступленія, которыя сами по себѣ наказуемы (*delicta juris naturalis*) и на такія, которыя, будучи запрещены положительнымъ только правомъ, собственно не носятъ на себѣ характера злодѣянія (*delicta juris civilis*). Для особенной части онѣ не имѣютъ особеннаго значенія, такъ какъ, послѣднія составляютъ только рѣдкое исключеніе. Дѣленіе на *delicta ecclesiastica, secularia* и *mixti fori* имѣетъ только историческое значеніе, равно какъ и дѣленіе на преступленія болѣе тяжкія, называемыя нарушеніями мира, уголовными случаями и т. п. въ противоположность болѣе легкимъ преступленіямъ, называемымъ нарушеніями права, проступками, гражданскими случаями; наконецъ различіе между *delicta atrocissima, atroces* и *leviora*.

Въ римскомъ правѣ различали *crimina publica*, относительно которыхъ существовало публичное наказаніе, отъ *delicta privata*, влекшихъ за собой только частное наказаніе (денежная пеня въ пользу обиженнаго). Другое значеніе имѣетъ дѣленіе на *общественныя* и *частныя* преступленія, въ новѣйшее время лежащее въ основаніи многихъ уложеній. Первые направлены непосредственно противъ государства, вторыя противъ частныхъ лицъ и ихъ благъ. Различаютъ также *delicta communia* и *proprĩa*, — *общія* и *преступленія по состоянію*. Къ послѣднимъ относятся преступленія, совершаемыя лицами, принадлежащими къ извѣстному классу, напр. священниками, чиновниками и проч.

Подобное дѣленіе имѣетъ свое основаніе, но преступленія общія требуютъ съ своей стороны дальнѣйшихъ подраздѣленій. Многіе писатели различаютъ преступленія *простыя, матеріальныя* отъ *перемѣнныхъ, формальныхъ*, смотря по тому — направлено ли дѣяніе на нарушеніе опредѣленнаго права, или же нарушается тотъ или другой предметъ. Но такъ какъ всякое преступленіе должно содержать опредѣленное нарушеніе, то это дѣленіе не употребляется.

Дѣленіе на *преступленія* и *полицейскіе проступки* имѣетъ свое основаніе, но такъ какъ послѣдніе рассматриваются полицейскимъ правомъ, то они не могутъ быть предметомъ уголовныхъ кодексовъ въ тѣсномъ смыслѣ. Дѣленіе на преступленія противъ *правъ*

природенныхъ и правъ приобритенныхъ произвольно, такъ какъ природныхъ правъ вовсе не существуетъ.

По примѣру французскаго права, различающаго crimes, delits и contraventions, прусское и баварское уложенія различаютъ преступления, проступки и нарушенія; подобное же дѣленіе встрѣчается въ австрійскихъ уложеніяхъ, другія же уложенія допускаютъ только преступления и проступки. Последнія собственно согласуются съ прусскимъ правомъ, такъ какъ они различаютъ еще третій родъ — полицейскія нарушенія. Австрійское уложеніе смѣшиваетъ во второй части проступки и нарушенія безразлично съ легкими преступлениями и полицейскими нарушеніями. Тройкое дѣленіе существуетъ преимущественно для цѣлей судопроизводства, хотя оно для этого вовсе не необходимо. Дѣленіе собственно уголовныхъ дѣяній на *преступленія* и *проступки* произвольно и не прочно. Сколько нибудь раціональнымъ основаніемъ подобнаго дѣленія служатъ:

1) То обстоятельство, совершено ли извѣстное дѣяніе умышлено или неосторожно. Но неосторожныя преступления составляютъ рѣдкія исключенія и нѣкоторыя изъ нихъ даже болѣе наказуемы, нежели многія умышленныя преступления (напр. неосторожное убійство болѣе наказуемо нежели оскорбленіе чести).

2) Объекты, противъ которыхъ направлены дѣянія. Но если, на примѣръ, жизнь есть объектъ важнѣе собственности, то все таки съ другой стороны кража причисляется къ преступлениямъ, а оскорбленіе чести къ проступкамъ.

3) Различіе, произошло ли дѣяніе изъ безчестнаго умысла, или нѣтъ — весьма важно при вопросѣ: должно ли назначить наказаніе лишенія чести или нѣтъ, но для подраздѣленія на преступления и проступки это различіе не можетъ быть примѣнимо, такъ какъ между необезчещивающими дѣяніями многія на столько наказуемы, что ихъ не возможно назвать проступками и наоборотъ — дѣянія обезчещивающія бываютъ иногда весьма незначительны. Изъ этого видно, что различіе между преступлениями и проступками принимается на произвольномъ основаніи. Это является важною несправедливостію противъ тѣхъ, которыхъ рассматриваютъ изъ простаго только произвола, какъ «преступниковъ въ тѣсномъ смыслѣ». Подобный произвольный выводъ можетъ или нарушить нравственное сознаніе народа и вызвать недовѣріе къ законодательству, или, что

еще хуже, поддѣлать это сознаніе и повести къ неправильной оцѣнкѣ преступной вины.

Если хотять достигнуть подраздѣленія наказуемыхъ дѣяній, лежащаго въ основаніи' особенной части уголовного права, то нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что преступленіе характеризуется какъ зло, слѣдовательно какъ нарушеніе человѣческихъ благъ. Поэтому дѣленіе преступленій должно быть основано на подраздѣленіи благъ, нарушаемыхъ преступленіемъ. Такъ какъ люди живутъ въ обществахъ и рассматриваются не только какъ граждане или частныя лица, то изъ этого вытекаютъ слѣдующія формулы:

I. Преступленіе противъ благъ отдѣльныхъ лицъ.

1) Преступленіе противъ *жизни*. Сюда отпосятся умышенное и неосторожное убійство, оставленіе на произволъ дѣтей или другихъ беспомощныхъ лицъ и истребленіе плода. Умышенное убійство распадается на убійство съ заранѣе обдуманнмъ намѣреніемъ (*Mord*) и убійство, при которомъ умыселъ произошелъ отъ аффекта (*Todtschlag*).

2) Преступленіе противъ *тѣлесной цѣлости*. Сюда относятся умышленные и неосторожныя тѣлесныя поврежденія, къ которымъ нерѣдко относятъ и поврежденія ядомъ.

3) Преступленія противъ *цѣломудрія*, какъ сводничество, недобровольное разслабленіе, изнасилованіе и противоестественный блудъ.

4) Преступленія противъ *чести*, которыя распадаются на клевету и оскорбленіе.

5) Преступленія противъ *личной свободы*. Сюда относятъ преимущественно содержаніе подъ арестомъ, обращеніе съ человѣкомъ какъ съ рабомъ, похищеніе человѣка, уводъ, принужденіе и опасную угрозу. Сюда же обыкновенно относятъ и нарушеніе домашняго спокойствія.

6) Преступленія противъ *имущества*, каковы: кража, утайка, обманъ, невѣрность и порча вещей, кромѣ того вынужденіе и грабежъ (послѣдніе можно также отнести и къ предыдущей группѣ).

II. Преступленія противъ благъ человѣческихъ *обществъ* (за исключеніемъ государствъ).

1) Преступленія противъ *семейства*, какъ: нарушеніе супружеской вѣрности, двоебрачіе, кровосмѣшеніе и преступленія противъ семейственныхъ правъ.

2) Преступленія *религіозныя*; сюда относятся религіозныя нарушенія, ограбленіе мертвецовъ и разрытіе могилъ.

3) *Нарушенія мира*, какъ насиліе на чужой землѣ и нарушеніе спокойствія въ государствѣ.

4) Нарушеніе *довѣрія въ торговой жизни*; сюда относятся; обманъ въ мѣрѣ и вѣсѣ, въ документахъ, въ общественныхъ кредитныхъ бумагахъ и монетахъ.

5) Сюда же относятся и такъ называемыя преступленія *общественныя*, которыя суть не болѣе какъ квалифицированныя нарушенія имущества, жизни и пр., таковы поджогъ, причиненіе взрыва и наводненія, поврежденія отъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, мостовъ, отравленіе колодцевъ и пр. Эти дѣянія наказуемы даже и въ томъ случаѣ, если въ основаніи ихъ лежитъ простая только неосторожность.

III. Преступленія противъ государства.

1) Преступленія противъ *прочности государства*, а именно: государственная измѣна и измѣна отечеству.

2) Преступленіе противъ *главы государства* (оскорбленіе величества) и *народнаго представительства*.

3) Преступленія противъ юстиціи: а) противъ судебной расправы: клятвенарушеніе, ложное показаніе, неуказаніе преступниковъ, самоосвобожденіе, своевольное возвращеніе изъ ссылки, самоуправство, дуэль, (сюда же можно отнести и помощь, оказанную преступнику), б) противъ полицейской власти: сопротивленіе, скопъ и мятежъ и с) противъ военной власти: наборъ для чужой военной службы, склоненіе къ дезертирству и вообще такія дѣянія, которыми нарушаются военныя обязанности.

4) Преступленія *служащихъ*, именно: злоупотребленія служебной властью, лихоимство и мздоимство, нарушеніе права, преступленія адвокатовъ и т. д.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонера Императорской Академіи Наукъ

А. Е. КЕХРІБАРДЖИ

Въ Одессѣ, на Дерибасовской ул., въ Елисаветградѣ — противъ бульвара.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Андреевскій, Н.* Полицейское право т. I. Введеніе и часть 1-я. Полиція без-
опасности. Спб. 1871 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Андреевскій, Н.* Русское государственное право, т. I. Введеніе и часть 1-я.
О правительствѣ. Спб. 1866 г. Ц. 3 руб.
- Андрейловъ, М.* О личныхъ обязательствахъ. Спб. 1871 г. Ц. 1 руб.
- Андрейловъ, М.* О обязательствахъ по договорамъ. Спб. 1871 г. Ц. 6 руб.
- Анисимовъ, А.* Военскій уставъ о наказаніяхъ, разъясненный мотивами, на
которыхъ онъ основанъ, и рѣшеніями Главнаго Военнаго суда за 1867,
1868, 1869 и 1870 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Аренсъ, Г.* Юридическая энциклопедія или органическое изложеніе науки о
правѣ и государствѣ, на основаніи принциповъ этической философіи пра-
ва. Перев. съ нѣмецкаго. М. 1863 г. Ц. 4 руб. 50 к.
- Арсеньевъ, К.* Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовного дѣла до начала
судебнаго слѣдствія. Спб. 1870 г. Ц. 1 руб.
- Арсеньевъ, К.* Судебное слѣдствіе. Сборникъ практическихъ замѣтокъ. Спб.
1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Базилеръ, Р.* Неприкосновенность частной собственности въ международныхъ
войнахъ. Одесса, 1870 г. Ц. 85 к.
- Бернштейнъ, К.* О существѣ делегации по римскому праву. Спб. 1871 г. Ц. 60 к.
- Бернштейнъ, К.* Ученіе о раздѣлительныхъ обязательствахъ по римскому
праву и повѣйшимъ законодательствамъ. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 75 коп.
- Бело.* Организация уголовной юстиціи въ главнѣйшія историческія эпохи. Спб.
Ц. 1 р. 50 к.
- Бернеръ, А.* Учебникъ уголовного права: части общая и особенная. Переводъ
съ приложеніями, примѣчаніями и прибавленіями по исторіи русскаго
права и законодательству положительному Н. Неклюдова 2 тома. Спб.
1865—67 г. Ц. 6 р. 40 к.
- Богдановскій, А.* Молодые преступники, вопросъ уголовного права и уголов-
ной политики. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.
- Богословскій, А.* Сборникъ статей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.
имѣющихъ отношеніе къ вѣдомству православнаго исповѣданія. Спб. 1872
г. Ц. 60 к.
- Будзинскій, С.* Начала уголовного права. Варшава. 1870 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Буте, Н.* Полицейское право. Кіевъ. 1860 г. Ц. 3 р.
- Бухнеръ, Э.* Судебная медицина для врачей и юристовъ, дополненная стате-
ями русскихъ законовъ подъ редакціею Ловцова. Спб. 1870 г. Ц. 2 р.
- Буцковскій, Н.* Основанія кассационной практики по вопросамъ преюдиціаль-
нымъ (предсудимымъ) Спб. 1872 г. Ц. 50 к.

- Бялецкій, А.* О значеніи международнаго права и его матеріаловъ. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ванерз, А.* Государственное хозяйство. Русскія бумажныя деньги. К. 1871 г. Ц. 3 руб.
- Васильчиковъ, кн.* О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и заграничныхъ частныхъ и общественныхъ учреждений, т. 3 й. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вербловскій, Г.* Систематическій сборникъ положеній и извлеченій изъ гражданскихъ касационныхъ рѣшеній: т. 1 за 1866, 1867 и 1868 гг. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вешняковъ, В.* Объ уничтоженіи привилегій на изобрѣтенія. Спб. 1870 г. Ц. 50 к.
- Вислоцкій, В.* О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ въ примѣненіи преимущественно къ русскому уставу уголовного судопроизводства. В. 1872 г. Цѣна 1 50 к.
- Владиміровъ, Л.* О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Владимірскій-Будановъ.* Хрестоматія по исторіи русскаго права. В. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Владѣніе и пользованіе землею въ различныхъ странахъ.* Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Войно.* Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ и прочихъ медицинскихъ чиновъ. К. 1872. Ц. 3 р. 50 к.
- Вреденъ, Э.* Страховыя артели и долевая рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзно-дорожныхъ предіриятіяхъ. Спб. 1870 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Ворошиловъ, В.* Критическій разборъ ученія о раздѣленіи властей. К. 1871 г. Ц. 2 руб.
- Временникъ Демидовскаго Юридич. лица.* К. 1 и 2. Ярослав. 1872 г. Ц. 2 руб.
- Галкинъ, М.* Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса. Изд. 2-е. Спб. 1868 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
- Гартунъ, Н.* Исторія уголовного судопроизводства Франціи, Англіи, Германіи и Россіи, приравненная къ университетскому курсу. Спб. 1868 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Гиборіо.* Убіиство г-жи Деружъ. Одесса 1872 г. Ц. 2 руб.
- Головинскій, В.* О происхожденіи и дѣленіи обязательства. В. 1882 г. Ц. 2 руб.
- Городовое положеніе съ объясненіями,* изъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Градовскій, А.* Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генераль-прокуроры. Спб. 1866 г. Ц. 1 руб. 25 коп.
- Градовскій, А.* Политика-исторія и администр. Спб. 1871 г. Ц. 2 руб. 50 к.
- Гражданскіе законы* (сводъ законовъ т. X часть I) съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ правительствующаго сената. 6-е изданіе. Спб. 1872 г. Цѣна 1 руб. 50 к. въ переплетѣ 2 руб.
- Грибовскій и Островскій.* Полное собраніе законовъ въ извлеченіи къ законамъ о безмездн. приобрѣт. имущ. и о наслѣдствѣ. М. 1870 г. Ц. 2 руб.
- Данквартъ.* Гражданское право и общественная экономія Переводъ Цитовича. Спб. 1866 г. Ц. 1 руб.
- Даньковъ, Е.* Итоги судебной практики правительств. сената 1835 — 1864

- г. Сводъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній общихъ собраній правительствующаго сената по вопросамъ гражд. и торговаго права. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Диксонъ, В.* Государственные преступники Англіи. Историческій очеркъ Лондонской башни. Спб. 1871 г. Ц. 5 руб.
- Дреперъ, Гражданское развитіе Америки.* Переводъ съ англ. Спб. 1866 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Думачевскій, А.* Систематическій сводъ рѣшеній кассационнаго департамента сената 1866—1871 г. т. I Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к. т. II Спб. 1872 г. Ц. 5 руб. т. III Спб. 1872 г. Ц. 4 руб.
- Жельзняковъ, В.* Настольная книга для мировыхъ судей. Изд. 3-е дополненное. Спб. 1869 г. Ц. 2 руб. 50 к.
- Законоположенія о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей.* Спб. 1867 г. Ц. 35 к.
- Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (сводъ законовъ т. X ч. II).* Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетъ 2 р.
- Законы межевые (сводъ законовъ томъ X ч. III)* Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетъ 1 р. 75 к.
- Зальсоевъ, А.* Положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ, изд. 1865 г. со всѣми послѣдовавшими къ нему измѣненіями и дополненіями. Спб. 1872 г. Ц. 2 руб.
- Зарудный, С.* Гражданское уложеніе итальянскаго королевства и русскіе гражданскіе законы. Спб. 1869 г. Ц. 3 руб.
- Зарудный, С.* Торговое уложеніе итальянскаго королевства и русскіе торговые законы. Спб. 1870 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Зарудный.* Уставы гражданского судопроизводства Сардиніи и Венгріи. Спб. 1859 г. Ц. 2 р.
- Зеновича, И.* Значеніе мирового судопроизводства и нотаріальной части. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кавелинъ, К.* Сочиненія въ 4-хъ частяхъ. М. 1859 г. Ц. 5 р.
- Калмыковъ, И.* Учебникъ уголовного права, части общая и особенная. Ц. 3 р. 50 к.
- Карновичъ, Е.* Пособіе для занятія по судебно-гражданской части. Сводъ законовъ гражданскихъ по изданіямъ 1832, 1742 и 1857 г. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Квачевскій, А.* Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 г. Спб. 1866—1870 г. Ц. 7 р. 85 к.
- Кенигсонъ, А.* Очеркъ происхожденія и историческаго развитія суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ. В. 1871 г. Ц. 80 к.
- Кистяковский, А.* О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кистяковский, А.* Изслѣдованіе о смертной казни. Кіевъ 1872 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Кохманскій, Р.* Сборникъ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній по вопросамъ бессарабскаго гражданского права. Киш. 1868 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кохманскій, Г.* Сводъ положеній и разсужденій кассационнаго сената 1866—1870 г. по вопросамъ матеріальнаго гражданского права. Одесса 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Крафтъ-Эбинъ.* Ученіе объ остромъ или скоропроходящемъ помѣшательствѣ для врачей и юристовъ. М. 1867 г. Ц. 40 к.
- Крафтъ-Эбинъ* Болѣзненныя настроенія души, перев. Чацкина. Спб. 1868 г. Ц. 60 к.

- Лабуле*. Государство и его предѣлы. Спб. 1868 г. Ц. 2 руб.
- Ливановъ, О.* Уст. духовн. консисторій. Изд. 2-е Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лиманъ, К.* Сомнительн. душевн. состоян. предъ судомъ. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лохвицкій, А.* Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія ч. I. Спб. 1855 г. Ц. 2 руб.
- Лохвицкій, А.* Курсъ уголовного права. Спб. 1871 г. Ц. 4 руб. 50 к.
- Лохвицкій, А.* Обзоръ современ. конституцій 2 ч. Спб. 1855 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Любавскій, А.* Пов. русскіе уголовн. процессы. Т. I. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Любавскій, А.* Русскіе уголовные процессы. Т. I. Спб. 1865 г. Ц. 3 руб. 50 к. Тоже т. II. Спб. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к. Тоже томъ III (казуистика душевныхъ болѣзней). Спб. 1867 г. Ц. 3 руб. 50 к. Тоже томъ IV. Спб. 1868 г. Ц. 2 руб. 50 к.
- Любавскій, А.* Сборн. замѣчательн. уголовн. процес. Спб. 1865 г. Ц. 2 руб.
- Лякубъ, В.* О покушеніи на преступленіе по началамъ теоріи и современнымъ законодательствамъ. Спб. 1866 г. Ц. 40 к.
- Макалинскій, П.* Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. Спб. 1870 — 1871 гг. т. I Ц. 1 р. 20 к. Т. II Ц. 2 руб.
- Маккензи*. Римское право, сравнительно съ законами Франціи, Англіи и Шотландіи. М. 1864 г. Ц. 2 руб.
- Макиавели, Н.* Государь. Спб. 1869 г. Ц. 2 руб.
- Мальшевъ, Б.* Историч. очеркъ конкурсн. процесса. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Марецоль, Т.* Учебникъ римскаго граждан. права. М. 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мейеръ, Д.* Русское гражданское право, изданное по запискамъ слушателей подъ редакціею А. Вицына. 4-ое изданіе, исправленное сообразно опредѣленіямъ новѣйшаго законодательства и съ приложеніемъ очерка русскаго вексельнаго права. Спб. 1868 г. Ц. 3 руб.
- Миттермайеръ, К.* Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ. Перев. съ 5-го изд. М. 1863 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Миттермайеръ, К.* Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, усилъхъ законодательства и опытовъ. Спб. Ц. 90 к.
- Миттермайеръ, К.* Судъ присяжи. въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1867 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Миттермайеръ, К.* Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Сѣверной Америкѣ. М. 1864 г. Ц. 2 руб.
- Молчановъ и Ходоровскій.* Полное собраніе рѣшеній обоимъ кассационнымъ депар. прав. сен. относящихся къ I ч. X т. св. гр. (за 1866—1871 г.) Спб. 1872 г. Ц. 5 руб.
- Молчановъ и Ходоровскій.* Систем. сводъ рѣш. кас. д. овъ прав. сен. Спб. 1872 г. Ц. 75 в.
- Настольная книга* для судебныхъ приставовъ, взыскателей, должниковъ и частныхъ лицъ при исполненіи судебныхъ рѣшеній. М. 1870 Ц. 75 ч.
- Неклюдовъ, Н.* Руководство для мировыхъ судей. Уставъ уголовного судопроизводства. Т. I. Спб. 1872 г. 4 руб.
- Никитинъ, В.* Обществен. и законодат. погрѣшн. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- О личной воинской повинности въ Россіи.* М. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Павловъ, А.* Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Ч. I. М. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Побѣдоносцевъ, К.* Судебное руководство. Сборникъ правилъ, положеній и примѣровъ, извлеченныхъ изъ теоріи и практики гражданского судопроизводства. Спб. 1872 г. Ц. 3 руб.
- Пухта, Г.* Исторія римскаго права. М. 1864 г. Ц. 3 руб.

- Реутск'й, Н.* Люди божьи и скопцы. М. 1872 г. Ц. 2 руб.
- Романовичъ-Славатинскій, В.* Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣла до отмѣны крѣпостнаго права. Спб. 1870 г. Ц. 3 руб. 50 к.
- Романовичъ Славатинск'й, А.* Пособіе для изученія русскаго государственнаго права. Спб. 1872 г. Ц. 2 руб.
- Росси.* Основныя начала уголовного права. Спб. 1871 г. Ц. 1 руб. 50 коп.
- Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати.* Спб. 1870 г. Ц. р.
- Санкей, Д-ръ.* Лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. Пер. подъ редак. Чехова. Спб. 1868 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Спасовичъ.* За много лѣтъ (1859 — 1871). Судебныя рѣчи. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Спасовичъ.* Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу, по древнему польскому праву. Спб. 1857 г. Ц. 1 руб.
- Спасовичъ, В.* Права авторскія и контрафакція. Спб. 1865 г. Ц. 1 руб.
- Судебныя уставы* 20 ноября 1864 года, съ разъясненіемъ ихъ по рѣшеніямъ кассационныхъ департаментовъ правительств. сената. 7-е изданіе. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к. въ англ. колен. пер. раскраш. по устав. 3 руб.
- Таганцевъ, Н.* О преступлен. противъ жизни по русск. праву. Спб. 1870 г. 2 т. Ц. 3 руб. 50 к.
- Таганцевъ, Н.* Изслѣдованіе объ отвѣтственности малолѣтнихъ преступниковъ по русскому праву. Спб. 1872 г. Ц. 1 р.
- Тимофѣевъ, Н.* Уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Спб. 1872 г. Ц. 1 руб.
- Уилъзъ, У.* Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ, объясненный примѣрами. М. 1864 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Уложеніе о наказаніяхъ* уголовныхъ и исправительныхъ съ разъясненіями по рѣшеніямъ прав. сената. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
- Уставы* торговой, фабричной и заводской промышленности (сводъ законовъ, т. XI, ч. II). Спб. 1872 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
- Умовъ, В.* Договоръ найма имущ. по рим. праву. М. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фойницк'й, Н.* Мошенничество по русск. праву. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Филлиповъ, М.* Судебная реформа въ Россіи. Спб. 1871 г. Ц. 3 руб.
- Фрезе, А.* Очеркъ судебной психологіи. А. 1871 г. Цѣна 1 руб.
- Хлѣбниковъ, Н.* О вліяніи общества на организ. госуд. Спб. 1868 г. Ц. 2 р.
- Шауэнштейнъ, А.* Руководство къ изученію судебной медицины для врачей и юристовъ, перев. съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и сравнительными указаніями на русское законодатель. И. Чацкина. М. 1870 г. 3 р. 50 к.
- Шиллингъ, В.* Естественное право или философія права. Перев. Капустина 2 выпуска. М. 1873 г. Ц. 2 р.
- Шимановскій, М.* Первая часть десятаго тома съ ея историческими основаніями выпускъ I, книга I. О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Б. 1870 г. Ц. 2 руб. 50 к. в. 2-й, книга 2-я. Казань 1870 г. Ц. 3 р.
- Шимановскій, М.* Юридическія и практическія замѣтки по гражд. праву и судопроизводству. О. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Этельманъ, И.* Гражд. законы псковской судебн. грам. Спб. 1855 г. Ц. 1 р.

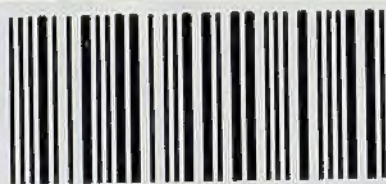
Гл. иногороднымъ пересылка на счетъ магазина.

Учебникъ Уголовнаго Права

соч. Гаера,

ЧАСТЬ ОСОБЕННАЯ

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ
въ свѣтъ.

2007043211